

Константин КУРАЛЕНЯ

16+

Империя в огне

книга 4 серия Великое кочевье

Константин Кураленя

Империя в огне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61216383

SelfPub; 2020

Аннотация

В четвёртом романе «Империя в огне» автор отправляет своего героя в тринадцатый век, время падения Золотой империи чжурчжэней. Смертоносное шествие монгольских войск залило кровью Азию и Дальний Восток. Наш герой оказывается в центре исторических событий, участвует в дальних походах, жестоких битвах, смертельных поединках и, конечно же, везде выходит победителем. Но вот монголы дошли до берегов Нижнего Амура и осадили крепость Адзи-хурень...

Содержание

МАНУСКРИПТ ЖЕНЬКИ-АВАНТЮРИСТА. 4

Конец ознакомительного фрагмента. 141

Константин Кураленя

Империя в огне

МАНУСКРИПТ ЖЕНЬКИ- АВАНТЮРИСТА.

Вместо предисловия

Не так давно на глаза мне попались тетради с записями дружка моего закадычного ещё со времён юности незабвенной. Эти тетради он оставил мне на хранение. Причём это было так давно, что я напрочь забыл об их существовании. Затем последовали перестройка и борьба за выживаемость, которые разбросали нас по реке жизни, словно щепки в половодье, и я окончательно потерял его из виду.

Но по воле господина случая тетради в коленкорových переплётax вынырнули из небытия, и моя сравнительно спокойная жизнь превратилась в нагромождение непонятных событий и несуразностей. В тетрадях были записаны такие невообразимые вещи, что воспринимать их можно было только будучи сумасшедшим либо изрядно подвыпившим. Мой товарищ рассказывал о том, что ему каким-то чудом удалось увидеть прошлое. И не просто увидеть, но и самому стать активным участником исторических событий, которые

в той или иной мере повлияли на историю Дальнего Востока и историю нашей страны.

Из тетрадей я узнал о трёх его путешествиях в прошлое. Мне захотелось рассказать об этом другим людям. И я, предварительно отредактировав, издал его записи под видом авантюрно-исторических путешествий.

Забывчивым читателям могу напомнить, что в первом путешествии мой товарищ стал участником сплава первых казенных крестьян-переселенцев из Тамбовской, Пермской, Воронежской, Вятской губерний на берега Нижнего Амура. Во второй раз судьба забросила его сюда во времена Гражданской войны и японской интервенции. Он совершил путешествие через объятую революционным угаром страну, стал участником морского круиза с пиратскими страстями, воевал в партизанской армии Якова Тряпицына. В третьем он оказался в шкуре заключённого на сталинских стройках социализма. Его втягивают в авантюрное предприятие по розыску сокровищ ушедшей в небытие Золотой империи чжурчжэней. Он совершает побег из лагеря и, преодолев множество невероятных трудностей, став участником ряда невероятных событий, вновь попадает в свой родной тысяча девятьсот восемьдесят седьмой год.

В конце третьей тетради я обнаружил приписку. Рукой моего друга было написано о том, что у грота на горе Шаман, откуда товарищ и совершал свои путешествия во времени, он оборудовал тайник с материальными подтверждениями

своего пребывания в прошлом.

Естественно, что меня заинтриговал такой поворот событий, и, никому ничего не говоря, я отложил все дела на потом и засобирался на Шаман-гору. Ещё мне очень хотелось посмотреть на места, где прошла наша молодость.

И вот я стою у подножия каменного исполина и с восторгом оглядываю открывшуюся передо мной панораму. В эти мгновения я как никто другой понимал путешественника во времени. Горы завораживали и покоряли своей суровой и дикой красотой. В то же время меня не оставляло чувство, что я здесь не один, что некий вселенский разум или внеземные существа украдкой наблюдают за мной и делают свои выводы. Я вспомнил слова нанайского тудири Барони о том, что именно с этих вершин следует просить богов о помощи и удаче. Горы – это самое удобное место, отсюда до небожителей рукой подать. И я, не стесняясь своей образованности и скептического отношения к религии, украдкой попросил их кое о чём. После чего, сбросив с себя непонятную робость и неуверенность, я закричал во все лёгкие о том, что «не одна я в поле кувыркалась, не одной мне ветер задувал».

«Делай, что должно и будь, что будет, – сказал я себе. – А духи горы тебе в этом помогут».

Осмотрев окрестности, я разыскал тот самый грот, который, по рассказам друга, и стал отправной точкой для его необыкновенных путешествий в таинственное прошлое. Но, скажу вам честно, забираться внутрь не стал, как-то не по

себе было. Я ни на минуту не сомневался, что стоит оказаться под его сводами, как время закрутит меня в свои жернова и выбросит далеко от привычных моему сердцу вещей. А к таким событиям я был не готов. Это в молодости в нас пылает огонь авантюризма и мы готовы поворачивать вспять реки и разводить на Марсе сады, а в зрелые годы, сами того не замечая, мы становимся консерваторами, погрязшими в рутине повседневных буден.

«Хорошо, что тайник он оборудовал не в гроте», – подумал я, опасливо косясь на гостеприимно улыбающийся проём входа.

Полчаса времени и несколько крепких выражений позволили мне точно определить местонахождение схрона. Нетрудно представить состояние кладоискателя, когда остриё сапёрной лопатки, предусмотрительно захваченной с собой в поход, звякает о что-то твёрдое. Я даже не подумал, что это может быть камень или нечто иное, не относящееся к моим поискам.

«Вот оно!» – ёкнуло в груди.

Сдерживая сбившееся дыхание, я попытался сдвинуть плоский, словно блин, булыжник. Камень не поддался ни с первой, ни с пятой попытки. Но, изрядно попотев, я всё-таки подковырнул упрямую каменюку и освободил её из цепких лап вечности. Не удержавшись и потеряв равновесие, я присел на пятую точку и так и остался сидеть, тупо взирая на открывшуюся моему взору картину. Выложенная скаль-

ником яма, размером примерно полметра на метр, скрывала в своих недрах много интересных штук. Там было разнообразное оружие, золотые безделушки, какая-то непонятная штукавина, судя по всему та самая деталь от полицейского лазера из будущего, и много чего другого. Но самое главное – видно даже на первый взгляд, тайнику никак не могло быть несколько десятилетий, из ямы хмуρο скалила зубы пропасть столетий.

Было видно, что тот, кто устраивал тайник, в первую очередь думал о том, чтобы содержимое смогло пролежать не один десяток, а то и сотни лет. Если вещи были золотыми либо изготовленными из металла, то они лежали обильно смазанные маслом и обёрнутые материей. Если это были записи, то они были залиты воском.

Разглядывая вещи из тайника, я начал понимать, что все опубликованные мною ранее записи друга – это не бред сумасшедшего, а что-то похожее на правду. А когда я извлёк и очистил от воска какие-то манускрипты, то мои руки затряслись так, что пришлось древние свитки откладывать в сторону и ждать, когда дрожь прекратится, а громко ухающее сердце вернётся на место.

Манускрипты были древними, неровные строки располагались на неизвестной мне материи, то ли пергаменте, то ли рисовой бумаге. Но самым невероятным было то, что изложенные там тексты были написаны на русском языке и рукой моего друга! И рассказывалось в них о таких удивитель-

ных делах, что если бы это всё было написано не на древнем пергаменте, а в очередной из тетрадок, то я бы в такие вещи просто не поверил.

В первую очередь я прочёл адресованное мне письмо.

«Антон, я вновь обращаюсь к тебе. Если ты читаешь эти строки, значит, меня нет в твоём времени и я навсегда потерялся в прошлом. Очень хочется верить, что даже через толщину веков мои слова долетят до тебя в этих письменах. Я сделал всё возможное, чтобы тайник сохранился к тому времени, когда ты созреешь для того, чтобы к нему прийти.

Я навряд ли вернусь в будущее. Круг событий должен замкнуться, а я, как видно, одно из ключевых звеньев в его цепи. В пятом своём путешествии я попал в двухтысячный год, и по глупости попытался обнаружить свои следы, но увы... Из документов милицейского архива я узнал о том, что в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году я уехал на рыбалку и не вернулся...

Но и это ещё не всё! Тогда я решил создать тайник, чтобы поместить в нём записи о том, что я увижу в последнем своём путешествии. А когда начал его оборудовать, то наткнулся на рукопись, написанную мной самим на этом старинном пергаменте. Едва я начал её читать, как сразу понял, что мне предстоит побывать в далёком тринадцатом веке, в Золотой империи чжурчжэней. Я остановился и не стал читать дальше. Зачем? Ведь мне ещё только предстоит прожить и пережить то, о чем я написал на этих ли-

стах. И я оставил в тайнике всё как есть, в надежде, что ты все-таки сюда придёшь. В двухтысячном, Антон, ты ведь пообещал мне это.

Остальное ты узнаешь из рукописи. Хочу только сказать, что, осмысливая свою жизнь, я понял, что ни о чём не жалею и не хочу, чтобы кто-то жалел меня. Это была моя жизнь, и прожил я её так, как мне хотелось. Я прожил столько жизней, что хватило бы с лихвой не одному десятку лежебок.

Твой друг Евгений

P.S. Может, и ты рискнёшь?»

Словно мраком веков дохнуло на меня прошлое. Побежал по спине холодный пот, а сердце сжалось в непонятной тоске. Рисковать мне почему-то не хотелось. Это наш Женька был авантюристом, а я привык к размеренному и спокойному укладу жизни.

«Женька, друг, как же так?» – задал я вопрос неизвестно кому. Следом возникла мысль о том, что я ведь ничего не знаю о Женькином путешествии в двухтысячный год. «Надо будет в чулане хорошенько поискать, может быть, тетрадь об этом путешествии куда-нибудь завалилась?» – подумал я и, отложив письмо друга, поднёс к глазам первый лист рукописи. И вся окружающая меня действительность растворилась в гортанных криках идущих в атаку воинов, ржании лошадей, свисте стрел, предсмертных хрипах умирающих людей и неразгаданной тайне бытия, называемой вечностью...

День незаметно перешёл в сумерки, и я, отложив рукопись в сторону, заготовил дрова и развёл костёр. Поужинав, при мерцающем свете костра вновь окунулся в поток событий, участником которых довелось стать моему другу.

Дочитав последние строки, я, глядя на далёкие огни лежащего на другом берегу Амура Нижнетамбовского, думал о превратностях судьбы, о её избранниках и пасынках. Почему случается так, а не иначе? Почему такая судьба досталась именно нашему Женьке, а не мне или кому-нибудь другому из нашей компании? А может, всё так и должно быть и Женька потому появился в нашем времени, чтобы, пройдя через все испытания и потери, вернуться туда закалённым воином и выполнить своё предназначение?

Мне стало грустно и обидно. А для чего родился я? Жизнь моя показалась мне скучной и неинтересной. И я решил, что непременно вернусь на Шаман-гору. Издам Женькины записи и обязательно вернусь.

Отмечу – среди листов старого пергамента, исписанных Женькиной рукой, обнаружили записи и другого человека, я их публикую тоже.

Глава 1.

НОВОБРАНЕЦ КЕШИКТЕНОВ

Я не привык стоять на коленях. И неудобно, и гордость не позволяет. Днём в степи жарко, а горячий песок нестерпимо жжёт выглядывающие из прорех ветхих штанов сбитые до крови колени. Я осматриваюсь: где я, что я? Судя по драным

порткам и позе, в которой я оказался, мне снова не повезло и попал я к чужим нехорошим дяденькам.

«Что, допутешествовался, любимец богов?» – ехидно поинтересовался внутренний голос, совершенно не обращая внимания на то, что горло моё горело так, словно я только что съел полкило верблюжьих колючек.

Я досадливо поморщился: только тебя мне сейчас и не хватало, хотя... если в моём лексиконе появилось выражение «верблюжьих колючек», то это может помочь определить географию моего нынешнего местонахождения. И, озираясь по сторонам, я попытался ответить на вопрос: куда же меня занесло на этот раз? Если судить по оружию, одежде, внешнему облику местных аборигенов и рукописи, обнаруженной мною в своём собственном тайнике, то нахожусь я в самых что ни на есть средних веках. И не просто в средних веках, а в обществе азиатских кочевников. Об этом недвусмысленно говорили раскосые глаза и широкие скулы многих из окружающих меня людей. Хотя среди них встречались индивидуумы с чертами вполне европейскими. Людей было много, и все они, так же как и я, с унылым видом стояли на коленях и отрешённо смотрели перед собой. Стояла невыносимая жара. Запах немых тел и гниющей плоти вызвал в моём желудке революцию, которая завершилась выходом на волю взбунтовавшихся масс неусвоенной пищи. Украдкой оглядевшись по сторонам, я убедился, что до моих судорог никому нет дела. Чистить зубы и выполнять элементарные

правила личной гигиены здесь, по всей видимости, считалось бескультурьем.

«Боже мой! – пришла в голову совершенно несвоевременная мысль. – И как эти люди занимаются любовью?»

Если бы не горы с одной стороны и простиравшаяся до самого горизонта долина с другой, то можно было подумать, что попал я сразу к чжурчжэням. Но мне почему-то всегда казалось, что они должны жить на реках и в тайге, так же как и их потомки, в моё время называемые «коренные народности Приамурья». Хотя в Маньчжурии, в Приморском и в Хабаровском краях гор достаточно.

– Послушай, браток, – решил я обратиться к стоящему рядом со мной в такой же некрасивой позе человеку, даже не подумав о том, поймёт он меня или нет. – Что здесь происходит и где мы есть?

Человек посмотрел на меня с явным сожалением.

– Всемиловитый Будда отнял у тебя разум. Наверное, ты был у него любимцем, раз он не пожелал, чтобы ты уходил к предкам со страхом в душе.

– Ты чего плетёшь, парень, к каким это предкам? Я пока ещё на тот свет не собираюсь, – справедливо возмутился я.

– Если у рабов станут спрашивать их желания, то мир перевернётся с ног на голову, – грустно усмехнулся сосед. – А мы с тобой на похоронах Великого хана Чингиза, ну и на своих тоже.

Я растерянно замолчал. Вот так дела, я раб, да ещё пред-

назначенный в жертву Чингисхану!

«Какой я идиёт», – сказал бы на моём месте незабвенный Сруль Исаевич Заерман. Я же подумал, что я безмозглое создание только потому, что у меня была возможность почитать папирусы из прошлого и узнать, чего следует ожидать от встречи с прошлым. А я вместо этого сыграл в благородного сэра, надеясь, что судьба мне будет постоянно мило улыбаться, а не скалиться, и что от неё всё равно никуда не уйдёшь.

«А ну-ка постой, не мандражируй! – приказал я себе. – Если тебя сейчас здесь похоронят, то кто же тогда напишет воспоминания?»

После этих мыслей я немного успокоился и стал внимательней наблюдать за происходящим. В третьем своём путешествии в прошлое я тоже был рабом на стройках социализма, так что опыт обращения с дубаками¹ и ношения кандалов есть. Теперь мне предстояло на собственной шкуре ощутить, чем отличается отношение к невольникам в молодой стране строящегося социализма от отношения к рабам в наполненном предрассудками рабовладельческом государстве.

«Главное, что появилась возможность с чем-то сравнивать», – скептически усмехнулся я про себя.

«Смейся-смейся! – позлорадствовал внутренний голос. – Как бы плакать не пришлось».

«Вместе и поплачем», – успокоил я его.

После этого нападки прекратились. Видно, парень понял,

¹ Дубак – надзиратель (жарг.).

что мы друг без друга никуда.

– И что же, теперь нам хребты станут ломать? – заинтересовался я, потому что читал о такой казни у монголов.

– Ну вот ещё, просто отрубят головы, – разочаровал меня сосед.

– За что ж такая немилость? – Близость смерти сделала меня разговорчивым и любознательным, тем более что меня определили как умалишённого.

– Такой привилегии удостаиваются только монголы. Они считают, что из человека нельзя выпускать кровь, потому что вместе с ней тело покинет душа. А чтобы возродиться вновь, душа после смерти должна оставаться в теле, – получил я первые знания о монгольских традициях.

«Интересное дело! – мысленно возмутился я. – Чем это я хуже монголов? Они, значит, могут возродиться, а мне заказано? Желая, чтобы и мне тоже сломали хребет».

«Э, парень, ты что-то заболтался, – осадил меня внутренний голос. – Ломать нам ничего не надо, лучше думай, как отсюда смыться».

Уже с определённым знанием, где я нахожусь и что меня ждёт, я ещё раз посмотрел по сторонам. Как я уже говорил, вокруг, куда ни кинь взгляд, простирались горы и степь. И как же можно сбежать от быстрых коней и острых стрел диких кочевников? Ведь ещё надо выскользнуть из-под ножа палача?

«Н-да, ситуация патовая, в такой я ещё не бывал», – тоск-

ливо заняло в мозгу. «Всё когда-то происходит впервые, а ты думай», – попытался подбодрить меня внутренний голос. «Отстань!» – огрызнулся я.

– Послушай, любезный, – вновь обратился я к соседу. – Я не ослышался, что мы удостоились чести быть жертвами на тризне по самому Чингисхану?

– Ты правильно понял, чужеземец, – не оставил мне последней надежды тот.

– Это почему же я чужеземец? – обиделся я. В данной ситуации я был бы совсем не против оказаться таким же скуластым и узкоглазым.

– Потому что ты не тангут, и я понять не могу, почему ты оказался в осаждённом Чжунсине? Сдаётся мне, что ты куин².

Ни название племен, ни название города мне ни о чём не говорили. Ну хорошо, пусть я не тангут, а куин.

Без разницы, к какому племени меня перед смертью причисляют! Интереснее было другое: действительно, что это я делал в осаждённом городе? И пока было время, я решил подробнее узнать от соратника по несчастью про последние дни Чингисхана, а заодно расспросить про загадочных куинов.

– Выходит, Великий хан пал под стенами Чжун-сина?

– Упаси боже! – вздрогнул тангут и испуганно посмотрел

² Столицей страны тангутов был город Си Ся. *Куин* – современный айн, житель Сахалина и Японии.

по сторонам. – Хан умер своей смертью. Не представляю, что бы случилось с моим народом, если бы хан пал от стрелы тангута.

«Действительно хорошо, что не «от стрелы тангута». Это ведь в корне меняет дело – умирать будет гораздо приятнее», – мысленно «порадовался» я и за тангутов, и за себя.

– А как протекали последние дни могучего хана? – продолжил я задавать неприличные вопросы. – Что же послужило окончанию его брэнного существования?

– Этим летом Будда послал на землю тангутов непереносимую жару. Чингисхан, по всегдашней своей привычке, отложил осаду Чжунсина и отправился переждать жару в горы. Там он занялся любимым делом – охотой. Однажды лошадь понесла великого хана, и он, упав с неё, разбился, – заученной скороговоркой поведал мне тангут историю смерти Потрясателя Вселенной.

Так банально? Я был разочарован услышанным. Пройти через столько жестоких битв и сражений, а умереть стукнувшись головой о камень...

– Но не верь этому, чужеземец, всё было совершенно не так, – словно бы взбесившись, яростно зашептал мне на ухо раб. – Это ханские приспешники желают украсить жизнь и смерть этого ублюдка, этого пожирателя падали.

Я посмотрел на неприятно брызжущего слюной тангута и невольно отодвинулся в сторону. Это не меня осчастливил Будда, лишив разума перед смертью, а его.

– Что же здесь красивого, знаменитый воин не сумел справиться с лошадьёю и разбился? – фыркнул я.

– А правда ещё хуже, гораздо хуже. Взял всё-таки хан Чжунсин, взял. И убил правителя, которому поклялся сохранить жизнь. А жену его прекрасную Кюрбелдишин-хатун возжелал в своих покоях ночью превратить в одну из своих многочисленных наложниц. Такая уж привычка была у Великого, если он вздумал кого-то унижить, то выполнял это непременно с выдумкой и от души. Но не выдержала наша царица позора и перекусила извергу кровеносный сосуд, а сама бросилась в воды Хуанхэ.

– А что татаро-монголы не поделили с вашим правителем? – перевёл я разговор в другое русло. – По внешнему виду так вы вообще одного племени.

– Когда-то мы были союзниками, – вздохнул тангут. – Пять лет назад хан монголов воевал с падишахом Хорезма Мухаммедом. Когда он обратился к нам за помощью, наш посол ему ответил, что если у тебя, хан, не хватает войска, то не воюй. Чингисхан счёл нас предателями, а предательство в монгольской Ясе карается смертью. И ещё, тебе не следует называть воинов Угэдэя татаро-монголами.

– А как прикажешь их называть? – Я вспомнил уроки истории, и там яснее ясного было сказано, что иго было татаро-монгольское.

– Монголы не любят татар. Считается, что татары, поправ законы степного гостеприимства, пригласили к костру отве-

дать пищи отца Чингисхана Есугэя-богатура и подлым образом отравили его. Когда Чингисхан стал Великим ханом, в первую очередь он пошёл войной на своих соседей. По его приказу татар истребляли полностью. У него существовала мера определения возраста детей, которых можно было оставить в живых, – просветил меня тангут.

– И что это была за мера? – заинтересовался я.

– Если ребёнок был ростом выше оси телеги, то его убивали, – последовал ответ.

«Мудро, – подумал я. – В таком возрасте мы не помним своих родителей, и мстить за их смерть не станем. А через десять-двенадцать лет войска хана пополнятся молодыми воинами, которым будет всё равно кого убивать».

Только было я открыл рот, чтобы задать очередной вопрос, как по чьей-то незримой команде всё пришло в движение. Забегали стражники, зашевелились поднимаемые на ноги рабы. Ну что ж, я и так узнал немало, поглядим, что будет дальше.

Некоторое время я оставался пассивным наблюдателем событий, но это продолжалось до тех пор, пока мне в руки не всучили лопату и не заставили копать. Мог ли я когда-нибудь представить, что мне придётся копать могилу самому Потрясателю Вселенной, Великому Чингисхану, ну и, естественно, самому себе любимому? С ума сойти можно! Так издевались над обречёнными только фашисты да братки из девяностых годов двадцатого века. Видно, историю любили.

Если кто-то думает, что могила великого хана – это ямка размерами метр на два, то глубоко ошибается, могила хана – это огромный котлован размерами с угольный разрез. А как же иначе? Ведь заботливые и любящие родственники должны уместить в могиле всё, что понадобится главе рода для достойного существования на том свете. И лошадей, и одежду, и утварь, и рабов, и ещё по мелочам много чего другого. Да и чего греха таить, пыли надо было побольше в глаза напустить. Любили великие ребята это дело.

«Вот судьба, – думал я, остервенело кидая землю, – это же надо, всю жизнь, не считая первого путешествия вместе с амурским сплавом, приходится на кого-то горбатиться!»

– Послушай, чужеземец, – отвлёк меня от работы голос всё того же дохлого, но всезнающего, не иначе писарем при начальных людях состоял, паренька, который и здесь оказался рядом со мной. – Не слишком ли ты торопишься на свои похороны?

– Перед смертью не надышишься, – буркнул я, не отрываясь от работы.

Мне надоело бояться предстоящего. Я никогда не понимал людей, пытающихся оттянуть миг неизбежного. «Раньше сядешь, раньше выйдешь» – как гласит старая каторжанская мудрость. И вся недолга!

– Спешить туда не стоит, – резонно заметил тангут.

– Что такое миг по сравнению с вечностью! – бесшабашно махнул я рукой и, поплевав на ладони, с новыми силами

принялся за работу.

– У тебя не будет вечности, куин, ты разве забыл? – не отставал от меня заморыш.

– Я совсем другой веры, корефан, – оставил с носом я зануду. – И мои боги примут мою бессмертную душу, в отличие от твоей, в любом состоянии.

Так незаметно, за приятными беседами о земном и вечном, была выкопана могила для первого Великого хана всех монголов. После этого началось такое, что я начисто забыл, в каком качестве меня пригласили на это мероприятие. Над степью поднялся вой и плач. Присутствующие надрезали себе кожу на лбах, стекающая кровь заливала глаза, и казалось, что плачут они по ушедшему в страну последней охоты кровавыми слезами. Под этот плач в хоромы, выстроенные посередине котлована, поселили покойного, а вместе с ним несколько жён и наложниц, предварительно сломав им позвоночники. Затем такую же ужасную процедуру прошли сорок девственниц из сорока знатных монгольских родов. Это чтобы на том свете хан мог жениться, когда душа пожелает.

«Вот ведь какие гуманные, – удивился я, – не стали живьём закапывать».

Затем стали стаскивать в могильник всякую утварь, одежду и прочие необходимые в потустороннем мире вещи. А напоследок в котлован спустился целый караван с сокровищами.

«Красиво жить не запретишь, – безо всякой зависти поду-

мал я, а второй моей мыслью было – вот они, те злополучные сокровища Чингисхана, которые азартные кладоискатели не могут найти до наших дней».

Пожив среди этих людей и поскитавшись по степям, я смог бы примерно обрисовать это место, но для чего? Чингисхана хоронили в его родных краях, где с незапамятных времён кочевали их прадеды. А изначально его предки жили у подножия горы Барагхан Уулы, что высится между прозрачными водами великого Байкала и Баргузинской долиной, как раз напротив острова Ольхон. Это уже потом они перекочевали в урочище в верховьях реки Онон. Кстати, из этих самых мест была и мать будущего хана Оулэн, которую Есугэй-богатур отбил у татар и привёз в свой улус. Вот так-то, Чингисхан-то, оказывается, наш мужик, забайкальский.

Других примет дать не могу, потому что после того, как могильник закопали, по нему целые сутки гоняли табун лошадей. А чтобы запомнить место и вернуться сюда через год на поминки, над могилой принесли в жертву верблюжонка. Считается, что убитая горем его мать и через год найдёт дорогу к месту смерти своего дитя.

Наступала и моя очередь сказать последнее прости и покорно склонить голову под нож палача, потому что у нас стали отбирать лопаты и сгонять в кучу.

«Покорно? Ну уж, дудки!» – воспротивилась душа, да и внутренний голос добавил жару: – «Ты это, парень, брось, я ведь тебе сказал – думай!»

Распорядительные стражники выстроили нас в колонну по двое и повели вниз. Здесь, под одобрительные крики провожающих, нам стали резать глотки. Такое отношение меня очень возмутило: мало того что не стали ломать хребет, так и головы рубить им, видите ли, неинтересно. И когда подошла моя очередь, то это возмущение приняло вполне реальные очертания. Я уклонился от пытавшегося полоснуть меня по шее ножа и, без труда завладев холодным оружием растяпы-палача, проделал эту неприятную процедуру с ним самим. Парень даже не успел понять, что произошло, и, забулькав хлынувшей на песок кровью, отправился на свидание со своим ханом. Второй орудовавший тесаком палач от такой неслыханной наглости чуть не выронил из рук своё орудие труда. Но затем встрепенулся и кинулся ко мне. Сверкнувший в воздухе клинок остудил его пыл, и душа ретивого паренька поспешила за душой своего коллеги. Я горделиво огляделся по сторонам, наивно полагая, что мои товарищи по несчастью, воодушевлённые примером героя-одиночки, кинутся на своих мучителей и хотя бы смерть встретят достойно, а не как тупая скотина. Но не тут-то было.

Началось что-то непонятное моему разумению! Меня возжелали убить все: и те, что хотели отдать почести своему хану, и те, что стояли рядом. Но самое интересное, меня хотели убить те, кого предназначили в жертвы! Всё-таки велико в нас чувство стадного инстинкта, а я, по-видимому, был далеко не Спартак и не сумел поднять угнетённые массы на

восстание.

Убедившись, что поддержки не будет, я решил продать свою жизнь как можно дороже. Поэтому на всякий случай прихватил лопату, которая оказалась под рукой. Сапёрной лопаткой меня учили орудовать ещё в незабвенном тысяча девятьсот восемьдесят втором году в учебном спецподразделении, поэтому, когда на меня навалились ребята с саблями наголо, она мне здорово пригодилась. В начале схватки было как-то неудобно, потому что черенок у лопаты оказался слишком длинный, но когда очередной размахивающий саблей «джигит» отрубил от него половину, стало ловчее. Моя лопата летала быстрее молнии, и вскоре среди нападающих не стало охотников высовываться в передние ряды. Я же воспользовался передышкой и стоял, гордо расправив плечи, перекидывая своё оружие из руки в руку. Но триумф продолжался недолго. Раздалась какая-то команда, которую я не расслышал, и опозорившиеся воины понуро расступились в стороны.

«А вот теперь приплыли», – мелькнуло в голове, потому что вперёд выступили лучники.

Я растерянно огляделся по сторонам и приготовился к самому худшему. Стрелки натянули тетивы, и время замедлило свой бег. С некоторых пор я мог впадать в такое состояние в случае крайней опасности.

Прозвучала команда, и хруст спускаемых тетив неприятно резанул по ушам. Не знаю, что видели стоявшие по сто-

ронам монголы, но я видел каждую стрелу в отдельности. И летели они до того медленно, что я слышал, как их оперение трепещет на ветру.

«И как татаро-монголы могли нас победить?» – удивился я, легко отмахиваясь лопатой от их смертоносных жал.

Стрелы с оглушительным треском ломались о сверкающую в солнечных лучах лопату и обломками падали вокруг меня. Я даже успел подумать, почему это лопата железная, ведь в то время к железу относились бережно и заступы делали из дерева.

– Это не человек, это сам шайтан! – пронёсся по рядам нападавших воинов суеверный ропот.

– Прекратить! – раздался чей-то властный голос.

Воины опустили луки и, повернувшись в сторону говорившего, попадали на колени. Я этого делать не стал – русские умирают стоя.

– Угэдэй! – прокатился уважительный вал голосов.

– Ты кто? – ткнул в меня рукоятью плети сын Чингисхана.

– Человек! – гордо ответил я. Умирать так с музыкой.

– Я вижу, что не шакал, но ты и не тангут. Из какого ты племени? – повторил свой вопрос хан.

– Русский я, – ответил я поскромнее.

– Урус? – от недоумения брови наследника поползли вверх. – Знаю урусов, Субедэй говорил. Хорошие воины, но глупые. Могли на Калке победить, но гордыня непомерная и глупость бежали впереди их поражения. Но как ты здесь

оказался?

– С торговым караваном мы, стало быть, – сделал я невинное лицо.

– Но ты не купец, и слепому видно, что ты воин?

– Так точно, ваше высокоблагородие, – начал ёрничать я. – Солдаты мы, из десантно-штурмового батальона.

– Ты храбро сражался, воин, немало глупых голов отправила на тот свет твоя лопата, – хан без сожаления кивнул в сторону трупов. – Я думаю, что если бы был жив мой отец, он бы даровал тебе жизнь, он уважал бесстрашных и умелых воинов. Но жив я, и я выполню его волю и подарю тебе жизнь.

От неожиданности я растерялся. Вот так дела, а хан – то мужик путёвый, и не такой уж и кровожадный. Я внимательно взгляделся в стоявшего передо мной человека. Среднего роста, в меру коренаст, рыжая борода, против укоренившегося мнения, что все степняки черноволосы и безбороды, густа и кучерява. Зелёные со стальным блеском глаза смотрят жёстко и требовательно. Я был удивлён почти европейской внешностью монгольского хана. Лишь впоследствии мне пришлось убедиться в том, что наше представление о монголах в корне неверно. В те времена, по крайней мере внешне, они были гораздо ближе к европейцам, чем к азиатам.

– Благодарю тебя, хан, но жизнь – это слишком дорогой подарок, что ты потребуешь взамен? – склонил я покорно

голову.

– Ты не только храбр, но и умён, – покачал головой Угэдэй. – Мне нужны такие воины. Согласен ли ты служить мне так же храбро и верно?

– Но родина моя Русь святая.

– Скоро не будет твоей родины, богатур, – сочувственно покачал головой хан. – Не устоять Руси против туменов моего племянника Бату-хана.

Хан только предполагал, а я уже знал наверняка, что немногим более десяти лет отделяет родину моих предков от страшного нашествия, оставшегося в памяти людской как монголо-татарское иго. В последние дни уходящего тысяча двести тридцать седьмого года армия Бату-хана возьмёт приступом город Рязань, и тем самым откроет кровавый счёт павшим русским городам.

– Иди ко мне, урус. В такие времена не бывает родины, в такие времена каждый смелый и отважный сам создаёт свои улусы.

– Согласен, – склонил я голову.

Что мне оставалось, мне не оставили выбора! И как бы это цинично ни звучало, хан был прав. В своих снах я воевал на стороне чжурчжэней, но ведь это только сны...

«А принцесса Адзи, а Диландай и Угудай? Не всё так просто, парень», – подумал я.

– Определить нового воина в один из десятков ке-шик-

тенов³, – распорядился меж тем Угэдэй. – Я буду следить за твоими успехами, воин, как тебя звать?

– Женья, – сдуру ляпнул я и покраснел.

– Я буду следить за твоими успехами, Джучи, – повторил хан и пошёл прочь.

«Хорошо хоть Жучкой не назвал», – посмотрел я ему вслед.

– Ну, что встал, окаменел от счастья, что ли? – дёрнул меня за руку кривоногий скуластый человечек, мой теперешний начальник сотник Байрам Кривой.

Вот его внешность была стопроцентно азиатской. Своё прозвище он получил из-за сабельного шрама, который наискось пересекал его лицо. Шрам делал его похожим на постоянно ухмыляющегося клоуна.

За время пребывания в войске монголов я обратил внимание, что народ в те времена был шибко мелковат. По меркам современников, богатуром считался человек ростом мне по грудь. Поэтому, в то время как мне хотелось стать как можно меньше и незаметнее, я, наоборот, здорово выделялся из общей массы и привлекал внимание окружающих. Хотя и среди воинов попадались такие ребята, что можно было хоть сейчас в роту почётного караула. Как ни странно, они-то и были коренными монголами.

– Ты где откопал этого верблюда, Байрам? – то и дело слышались вопросы проходивших мимо воинов.

³ Кешиктены – личная гвардия Чингисхана.

Мы шли прочь от могильника, где слышались предсмертные крики обречённых и радостно-исступлённый вой толпы. Я, человек двадцатого века, повидавший немало смертей, был в шоке от того, как деловито и побудничному у наших далёких предков решается вопрос жизни и смерти. Толпа просто таки упивалась видом крови и предсмертных мучений себе подобных. А самым интересным было то, что ни один из обречённых не сделал ни малейшей попытки обрести свободу. Они шли на смерть с тупым равнодушием к собственной жизни. От такой картины меня чуть не стошнило, и я с облегчением покидал пропахшее кровью и страданиями место жертвоприношения.

– Саблю и щит десятник тебе подберёт, а вот броню сам добудешь, – на ходу деловито бубнил Байрам. – У чжурчженей справа знатная, богатая. Скоро на них пойдём, там и разживёшься, если в первом же бою не прихлопнут.

Я понял, что сотник не видел моего представления с лопатой, а то бы не стал судить так категорично.

«Не обольщайся, – зло подумал я. – Тебя-то уж точно переживу».

Байрам поглядел мне в глаза и ухмыльнулся:

– Злой? Это хорошо, в бою это первое дело.

Я промолчал и крутанул в воздухе выданной саблей. Всё бы ничего, но именно этим оружием я владел слабовато. Когда-то в одной из прошлых жизней, когда я был есаулом, я мог ею сносно орудовать, но по сравнению с ребятами из

тринадцатого века это действительно было слабо, хотя в моём казацком арсенале наверняка найдётся несколько приёмчиков, не известных степным воинам. Возможно, Байрам на все сто процентов прав в том, что меня похоронят после первого же боя.

«Стоп! – чуть не хлопнул я себя ладонью по лбу от осевшей догадки. – Ведь носитель моего тела кем-то был в этой жизни? И, судя по мышцам и размаху плеч, явно не бухгалтером. Ведь зачем-то он приехал к тангу- там в такое смутное время и, наверное, не пряники привёз, а с какой-то миссией. Но с какой?»

И я стал внимательнее прислушиваться к телу, в котором на этот раз поселилась моя душа. Звериная лёгкость и непринуждённость, с которой я передвигался, говорили только об одном – тело было тренированным, и тренированным для боя. Остальное зависело от меня и удачи.

– Что бы ты ни увидел, не обращай внимания, – загадочно произнёс вечером следующего дня Байрам. – А если хочешь остаться в живых, держись рядом со мной.

Я ничего не понимал, но расспрашивать сотника подробнее мне было не по чину, поэтому я молча кивнул головой.

Я не знаю, сколько пленных тангутов было принесено в жертву на похоронах Чингисхана. Говорят, что в посмертной воле хан приказал покарать предателей и вырезать всё население тангутской столицы. А волю покойных выполняли свято. Поэтому вслед за мужчинами приняли свой крест

женщины. Но это были пленные, тут всё понятно. Я пришёл в полное недоумение ночью, когда проснулся от тычка в плечо.

– Т-сс! – сверкнул в темноте зубами Байрам. – Следуй за мной.

То, что я увидел этой ночью, полностью перевернуло в моей голове понятия «свой-чужой». Восемьсот кешик-тепов Чингисхана, орудуя ножами, вырезали две тысячи воинов охраны. Кровь лилась рекой. По-видимому, на ужине в пищу обречённых было подмешано снотворное, потому что они спали беспробудным сном. Столько понапрасну пролитой крови, как на похоронах Чингисхана, я не видел никогда. Казалось, что сам воздух пропитался густыми испарениями человеческой боли.

– За что своих-то? – не смог удержаться я.

– Хан завещал, чтобы место его захоронения осталось в тайне.

А мне вспомнились секретные объекты, которые строили военнопленные во время Отечественной войны. Немцы точно таким же способом сохраняли полную секретность. И тут меня осенило!

– Постой, а мы, мы ведь тоже свидетели?

– Мы кешиктены хана, – гордо приосанился Байрам, судя по имени, он был татарин. – А, согласно законов Чингисхана, один кешиктен приравнивается к войсковому тысяцкому.

«Ну-ну, – усмехнулся я про себя. – Старо предание, да

верится с трудом. У монголов под пятой полмира, найдут где новых кешиктенов набрать, если для них жизнь человека ничто. Только вопрос, когда начнут убивать нас?»

Убивать нас начали на обратном пути, когда мы ехали по узкой горной дороге. Бабье лето – это такая пора, когда умирать совсем не хочется. Хотя, если быть совершенно честным, умирать следует в преклонном возрасте и естественной смертью, а лучше всего жить вечно. Но у монголов отношение к жизни и смерти совершенно иное, чем у нас. Поэтому когда нас начали закидывать стрелами, для всех, кроме меня, это оказалось полной неожиданностью. Но, поняв, что их убивают свои же братья по оружию, воины отбросили прочь щиты. Окончание трагедии под названием «похороны Чингисхана» проходило в полной тишине, под лёгкий посвист стрел и сдержанные стоны умирающих. Ни проклятий, ни яростных потрясаний кулаками, всё просто и обыденно. Восемьсот кешиктенов из личной гвардии Чингисхана принимали как должное назначенное им судьбой. Изо всех присутствующих только один я был не согласен с данной постановкой вопроса и лежал, укрывшись между камнем и трупом лошади. Одни стрелы с противным чмоканьем впивались в бок несчастного животного, другие, высекая искры, отлетали от закрывавшего меня камня. Я представил, что с таким же звуком они начнут дырявить моё тело, и меня аж передёрнуло. Мне не довелось быть подданным хана, поэтому умирать особого желания не имелось, хотя я всё-таки получил

лёгкую рану в левое плечо. Когда всё стихло, я затаился и стал ждать, что же будет дальше? А дальше было совершенно обыденное для таких мероприятий дело: среди тел, распротёртых по камням, пошли ребята из убойной команды. Они лихо добивали подающих признаки жизни кешиктенов ножами, в среде воинов называемым «избавитель», а я, как тот Колобок, мечтал о невозможном – уйти и от лисицы.

Где-то совсем рядом послышался приглушённый вскрик. Кто-то с помощью избавителя очистил от чьего-то присутствия нашу грешную землю. Мне стало горько и обидно. Только попаду в такие интересные времена – как меня тут же пытаются убить. «Вот сейчас и твоя очередь...» – будто о ком-то постороннем подумал я.

– Привет! – сказал я склонившемуся надо мною.

Но тот оказался некультурным и не ответил на приветствие. Наоборот, попытался полоснуть кривым засапожником по шее. Ну, это мы уже проходили и подставлять жизненно важный орган под сталь не пожелали. Вместо этого мы сами некультурного мужчину превратили в потерпевшего. Он удивлённо вскрикнул и, обильно фонтанируя хлынувшей из горла кровью, завалился на меня.

«Вот только этого мне сейчас и не хватало!» – выругался я нехорошими словами, пытаясь выбраться из-под трупа.

Наверное, видок у меня был ещё тот. С головы до ног в крови убитого врага. С диким оскалом буйнопомешанного. В одной руке нож, в другой подобранная с земли сабля. Кро-

вавый маньяк, да и только!

Монголы были людьми войны, и непредвиденные обстоятельства составляли непреложную часть их жизни. Долго удивляться и растерянно покачивать головой они не стали, а дружененько бросились ко мне. Их можно понять, они ведь не видели моего сольного выступления с лопатой, а зря. Орудовать саблей, как нападавшие, я не умел и отбросил её в самом начале заварухи. В моих руках неведомо как очутилось копьё с толстым древком, такие ещё называют рогатинами. И тут я разгулялся. Минут через десять ребята поняли, что со мной надо как-то по-другому, душевнее что ли? Они отошли «посоветоваться». Может быть, решили предложить мне какие-нибудь льготы или там ещё чего, даже, может быть, бесплатную путёвку в Приморье? Ничего нового придумать так и не смогли: пошли старой натопанной дорогой – позвали лучников.

«Люди другие, а методы те же», – подумал я философски, прекрасно понимая – наступает мой последний и решительный бой... Тут вмешался внутренний голос: «Не торопи события! А то кто же за тебя напишет рукопись?»

– Сам напишу, – произнёс я вслух, отбиваясь от летящих со всех сторон стрел.

Боевой транс, в котором я находился, позволял мне это делать легко и играючи. Надолго ли меня хватит? Хватило ровно настолько, чтобы услышать знакомый голос:

– Довольно! Подойди ко мне, урус, – приказал Угэ-дэй.

Я был не в том положении, чтобы скромно отнекиваться и строить из себя буку, поэтому взял и подошёл.

– Второй раз своим мужеством ты доказываешь, что имеешь право на жизнь, – произнёс хан, пристально вглядываясь в моё лицо. – Ты запомнил то место, где похоронен Великий Чингисхан?

– Откуда, я же не местный, – ответил я, преданно глядя в его глаза. – Да и не люблю я похорон там всяких, кладбищ. Боюсь мертвецов!

– Дать моему кешиктену чистую одежду, – сверкнув зеленью глаз, расхохотался хан.

И я понял, что моя жизнь делает очередной поворот.

Глава 2

ПОВЗРОСЛЕВШИЙ ЛЬВЁНОК

– ...карается смертью, ибо предавший единожды предаст и в другой раз, – по приказу сотника Берку, десятник и мой непосредственный командир Менге по прозвищу Волчья Пасть обучал меня основным положениям Ясы. – Смерти достоин тот, кто мог, но не оказал помощь своему боевому товарищу, – продолжил он противным голосом.

«И почему сержанты всех времён и народов такие нудные и сволочные?» – подумалось мне с тоской, но затем я встрепенулся и перебил отца-командира:

– Я о таком слышал. Это если в бою побежит один трус, то будет казнён весь его десяток, если побежит десяток, казнят сотню?

– Умей слушать, ты, навоз под ногами верблюда! – по-настоящему взъярился Менге. – Например, если ты встретишь в пустыне человека своего племени, то ты обязан предложить ему попить и поесть, потому что если он умрёт по твоей вине от голодной смерти, то ты будешь обвинён в убийстве и казнён.

Далее я узнал, что не только за серьёзные преступления, но и за любое мало-мальское прегрешение виновные наказывались смертью. К таким преступлениям, как убийство, приравнивались блуд мужчины, неверность жены, кража, грабёж, скупка краденного, сокрытие беглого раба, чародейство, троекратное невозвращение долга. Менее весомые прегрешения карались ссылкой за озеро Байкал, то есть в Сибирь.

Я вспомнил своё путешествие в двухтысячный год. Мне довелось работать опером в отделе по раскрытию тяжких преступлений. В то время широко практиковался такой вид преступления, как «кидалово». «Кидали» все кто кого мог, и на очень большие суммы. Дружелюбный и честный некогда народ словно сошёл с ума, в его организме появился новый ген – ген алчности. Все хотели иметь сейчас и много, и для достижения этой цели забыли про элементарную совесть и порядочность. И потерявшие деньги люди не могли вернуть их назад. Погрязшее в коррупции и воровстве государство бессильно разводило руками, беззастенчиво подбирая крошки со стола этих самых «кидал». А учиться законо-

творчеству следовало у Чингисхана. Надо сказать, что и исполнение наказаний у Великого хана проводилось регулярно и в сжатые сроки. Никаких тебе расследований, доказательной базы на не одну сотню страниц, приговоров, постановлений, мутных разглагольствований о нарушении прав человека. Вывели перед народом, озвучили все его прегрешения, выслушали пару свидетелей, и тут же «подвели пятки к затылку» (сломать хребет). И пускай теперь в последующей жизни он перерождается в порядочного человека. Уже тогда тёмные и безграмотные правители понимали, что государство, в первую очередь, обязано соблюдать права законопослушных граждан, которые стали жертвами жуликов и бандитов, а не наоборот.

– О красивых наложницах мечтаешь, сын ослицы? – отвлёк меня от размышлений о правильном устройении государства не слишком приятный голос моего нового наставника.

– Никак нет! – дёрнулся я от неожиданности.

– Мешок с песком между колен! – последовала команда десятника.

Было у монгольских нукеров⁴ такое упражнение, как бег по пересечённой местности с удерживанием между ног мешка с песком. Упражнение очень полезное, так как оно помогало тренировать мышцы на ногах. Монгол родился на коне, жил на коне, ел и пил на коне, и даже справлял нужду не

⁴ Нукер – дружинник на службе знати в Монголии.

покидая седла. А это упражнение помогало воину, не прибегая к узде и шпорам, ставшими словно железо коленями направлять движения коня в бою, причём обе руки у него были свободны.

Такая же фишка была и у нашего сержанта, когда я проходил срочную службу в учебной части, только бегали мы с тракторными траками в руках, а в перерывах между бегом до кровавого пота в глазах отжимались на руках от этих самых траков. Ну что ж, солдатская служба была нелёгкою во все времена, а обсуждать приказы командиров меня отучили ещё в Советской армии, и я, покорно сунув меж колен мешок с песком, потрусил вокруг лагеря. Очень неудобная это штука, бежать, пытаясь удержать постоянно выскальзывающийся мешок. Приходилось идти на хитрость и, озираясь по сторонам, придерживать злополучное наказание руками. Натёртые ляжки саднили и жгли огнём, но, в отличие от моего времени, санинструктор здесь предусмотрен не был. По совету старого конюха кровоточащие раны я смазывал дёгтем. Через месяц службы хану Угэдэю я вонял точно так же, как любой кочевник. А если учесть, что мыться в течение всего лета монголам категорически запрещает их вера⁵, то можете представить какое амбре я источал. В глубине души я радовался тому, что сделать замечание по этому поводу мне

⁵ Считается, что мытьё вызывает грозу и молнию, а молния может кого-нибудь убить. Согласно Ясы, моющийся человек за такое возможное убийство должен быть казнён.

было некому. Кроме того, Чингисхан запрещал подданным стирать своё бельё. Истинный монгол надевал халат только один раз, и снимал его для того, чтобы выбросить расплывшийся вонючий балахон и облачиться в новый. Оказывается, вода для этих людей была святой и поганить её чистоту своими грязными лохмотьями под угрозой смерти не имел права ни один из людей.

Пробежав таким образом пару кругов, я стал усидчивым, внимательным и любознательным, благо, что самим Угэдэем было приказано заниматься со мной по усиленной программе и отвечать на все интересующие меня вопросы. А произошло это так. После похорон Чингисхана были назначены военные игрища. Там были и джигитовка, и бой с оружием, и стрельба из лука, и борьба без оружия, и многие другие состязания.

Я безо всяких нехороших мыслей сидел и наблюдал за тем, как ловкие ханские ребята пытаются на скаку отобрать друг у друга козла, полоснуть своего противника саблей или изловчиться и намять ему бока.

Вы заметили, что я уже не говорю, монгольские это или татарские воины? Войско Чингисхана было настолько многонационально, что сами монголы составляли едва ли десятую его часть. Чингисхан был мудрым политиком, и солдатами его армии становились все те, кого он победил или кто сдался ему по доброй воле. Так что ко мне уже давно относились как к своему.

– Джучи! Джучи, мать твою перетак! – вздрогнул я от дружеского тычка в плечо. Тычок был настолько дружеский, что я едва не свалился наземь.

«Оказывается, не врали люди, когда говорили, что мат на Руси пошёл от татаро-монгольского ига», – поморщился я, утирая ушибленное плечо. Русские как те дети: что хорошее, то ни-ни, а вот матерное слово запомнили на века, да ещё и присвоили его себе как великое достижение национальной культуры.

– Иди, разомнись, покажи, на что ты горазд, – ткнул пальцем в сторону борцов Менге.

Мне не очень хотелось в такую жару загребать ногами песок и натуженно пучить глаза в попытке свалить очередного соперника. Но я понимал, что таким образом десятник хотел проверить, на что я гожусь, и спорить не стал. Лениво переставляя ноги и расслабленно потряхивая руками, я вошёл в круг. Напротив меня стояла глыба на голову ниже меня, но в три раза шире. Глыба приветливо ощерила лошадиные зубы и утробным голосом радостно проржала:

– Не бойся, суслик, я тебя не до смерти забору, а только немного покалечу.

– Закрой своё поддувало, мешок с дерьмом, а то из этого отверстия здорово несёт ослиным навозом! – в лучших традициях местных рамок приличия поприветствовал его и я. «Если противник сильнее тебя физически, то постарайся любыми способами вывести его из психического равно-

весья», – вспомнился при этом совет сержанта-инструктора. Хоть парень и был здоровым, но обиделся как ребёнок. Он запыхтел, словно паровоз, затем, разбрасывая по сторонам песок, провернул вхолостую колёсами и, издав свирепый гудок, рванул вперёд.

Я не испугался мчащегося на меня монстра, а, словно заправский стрелочник, перевёл стрелку в тупик. То есть спокойно отошёл в сторону и подставил мчащемуся локомотиву самую элементарную подножку. Пара центнеров веса, пропахав в песке изрядную борозду, недовольно загудела и, резво вскочив на ноги, бросилась на меня вновь. На этот раз я не стал уклоняться от схватки и, подсев под мчащегося парня, перехватил его руку и перекинул бойца через себя. Результат тот же – туча пыли и недовольный паровозный рёв. Я решил больше не испытывать его терпения, вспрыгнув воину на спину, ударом по шее вывел его из игры.

2 Империя в огне

33

По наступившему молчанию было видно, что с такими методами борьбы средневековые парни знакомы не были. Но я не стал огорчаться и комплексовать по данному поводу, а невозмутимо направился на своё место в зрительный зал. И только после этого слышались одобрителные крики почитателей моего таланта и негодующие – сторонников поверженного паровоза.

– Стоять! – перекрыл вопли зрителей голос моего любимого десятника. – А ну-ка тащите сюда куина Диландая! Пусть урус попробует сразиться с ним.

«Диландай?! Хорошо знакомое имя, не правда ли?» – подумал я и с неохотой вернулся в круг. Рукавом смахнул текущий по лицу пот. Была середина сентября, но жара парила такая, что ей могли позавидовать любые летние деньки, хотя этим летом стоявшая засуха заставляла разбежавшиеся по степи тангутские отряды полумёртвыми от жажды выходить на верную смерть под сабли монгольских разъездов. Не зря сам Чингисхан, ведя боевые действия против осаждённого Чжунсина, не выдержал этой жары и отвёл монгольские войска в горы, а после её спада вернулся под стены города и захватил его.

«Так вот почему тот тангутский воин назвал меня куином», – подумал я, глядя на приближающегося к кругу атлета. Голубоглазый, светловолосый, ростом немногим ниже меня, только в плечах в полтора раза пошире, ни одной лишней жиринки. Мощный торс, словно канатами, перевит стальными мышцами. Геракл, да и только! Ну, Джучи-Женёк, держись!

Судя по тому, как средневековый культурист принял стойку, я понял, что борьба предстоит не из лёгких. Не факт, что умение применять современнейшие приёмы рукопашного боя сделают меня победителем. Нужен был неожиданный, и даже может быть нечестный приём из разряда уличных, а

иначе нам победы не видать.

– Ну и чего ты топчешься, как таракан на сносях, – попытался я вывести его из равновесия.

Ноль эмоций. С психикой у нового бойца всё в порядке. Парень продолжает мелкими шажками приближаться ко мне. Я пытаюсь впасть в состояние боевого транса. Бесполезно. И я иду на сближение. Обманное движение, моя нога подсекает ногу противника, а резкий удар кулаком в лоб опрокидывает его навзничь. Но до гонга ещё далеко, здесь привыкли драться не до трёх минут, а до тех пор, пока кого-нибудь не вынесут за круг.

Получив первую оплеуху, парень легко вскакивает на ноги и стремительно приближается ко мне. Я даже не успел понять, как оказался в его жарких объятиях. А он просто стал сжимать свои руки. У меня спёрло дыхание и затрещали кости. Если вы никогда не попадали под каток, то и не советую. Голова стала воздушной, а веки прикрылись в сладкой истоме. В памяти всплыл эпизод из далёкой студенческой юности, когда мы, сжимая грудную клетку подопытного, вводили его в сон.

«Нет! – закричал голос из глубины сознания. – Не сдавайся!» Я напрягся из последних сил и, извернувшись змеёй, выскользнул из ловушки. Не задерживаясь на месте ни на мгновение, я отскочил на другую сторону круга и обвёл помутневшим взглядом беснующуюся толпу. Мне стало очень обидно, что я не увидел ни одной сочувствующей рожи.

Видя моё плачевное состояние, Диландай, не обращая внимания на рёв толпы, благородно приостановился на месте.

«Ишь ты, ещё и законы милосердия соблюдаем!» – от такого великодушия мне стало обиднее вдвойне, и, взвившись в воздухе, я в два прыжка оказался рядом с противником. А этому вас не учили?

Такой прыти от меня никто не ожидал, а благородный Диландай, получив с двух кулаков по ушам, замотал головой, словно бык. Следующий удар, среди дворовой босоты называемый «взять на калган», смутил богатыря окончательно. Я же, помня о его благородстве, перекинул парня через себя и растянул руку на болевой. И тут же почувствовал, что поднимаюсь в воздух. Вот это силища, он поднимал меня растянутой на болевой приём рукой из невозможного положения!

«Не затягивай поединок, у этого паренька здоровья как у верблюда, не тебе с ним тягаться!» – предостерегающе завопил внутренний голос. И я его послушал. Отпустив руку Диландая, я вскочил на ноги и, выждав момент, когда противник начнёт подниматься, сложенными вместе кулаками что было сил ударил его по затылку. Руки богатыря безвольно разъехались, и он ткнулся носом в песок.

«Не по правилам», – скажете вы, и будете правы, но мне нужна была победа, а о цене я не думал. Диландай был в этом мире свой, а я чужой, и мне надо было утверждаться в обществе этих полудиких людей, где сила и удача стояли

на первом месте. В другом случае, чтобы справиться с ним, мне бы понадобился пистолет.

После победы над самым сильным борцом меня зауважали. Правда, вредный десятник отправлял меня на соревнования по стрельбе из лука, где я полностью опозорился; на скачки, где результат был немногим лучше. А на соревнованиях фехтовальщиков я разозлился и, отбросив в сторону саблю, перебил физиономии всем, кто решался на меня напасть. Соревноваться в этих видах боевых искусств с людьми, занимающимися с пелёнок воинским ремеслом, было верхом неприличия. Наблюдавший за состязаниями хан Угэдэй подозвал к себе сотника Берку и приказал:

– Из этого уруса выйдет великий воин. Дай ему хорошего наставника и обучи всему, чего он не знает.

Вот так я и оказался под пятой десятника Менге. Десятник был чистокровным монголом и воякой хоть куда. Он участвовал во всех походах великого Тэмучжина, ещё в те времена, когда тот был не великим. Вместе с ханом он пришёл с берегов реки Онон, где с незапамятных времён их предки пасли скот. От него я и узнал, что Чингисхан наш коренной забайкалец, только родился немного пораньше и дел наворотил таких, каких не удавалось сотворить ни одному человеку ни до него, ни после. Великий Александр Македонский по сравнению с ним был пионером-юнармейцем из игры «Зарница».

Выглядел Менге как чистопородный монгол. Высокий,

жилистый, рыжеволосый, с длинной бородой и синими глазами. Неулыбчивое лицо словно вырублено из куска камня.

– Скажи мне, Менге, откуда пошло монгольское племя? – спрашиваю я десятника в короткие минуты перерыва, когда мне позволено, откинувшись головой на седло, возлежать у костра. Кроме костра, возлежать можно было на циновке и рядом с женщиной.

Менге, выдержав положенную в таких случаях паузу, начинает:

– Давно это было...

Я тут же вспоминаю нанайского проводника Григория, который спас от гибели писателя Ефремова, да и меня тоже, в третьем моём путешествии в прошлое. Он всегда начинал свои рассказы такими же словами.

– Жила вместе со своим мужем на берегах озера Байкал женщина Алан-Гоа. Было у неё два сына, рожденных от своего мужа, – продолжал меж тем десятник. – А вот ещё троих сыновей родила она от светло-русого юноши, приходившего к ней в полночь через дымовое отверстие в юрте. Уходил Буртэ-Чино (рыжеволосый) от неё рано утром, словно жёлтый пёс. Но зачатие происходило не обычным способом, а от луча света, исходявшего из молодого воина и проникавшего в чрево женщины.

Так и родился от этой женщины богатур Бодончар – глава всех знатных монгольских родов. Но самое главное, что от

Бодончара пошёл род Борджигинов, что значит си- неokie⁶.

– И чем же примечателен этот род? – поинтересовался я.

– Тем, что, благодаря Вечному Небу, этому роду принадлежит великий Чингисхан, – недовольно покосился на меня Менге.

«Так вот чем оправдывают измену их прабабушки историка семьи, – усмехнулся я. – Даже приплели непорочное зачатие, совсем как у Иисуса Христа. А мне кажется, предки куина здесь постарались. Не удивлюсь, если и Диландай тоже из этого рода».

Я сделал вид, что не замечаю его раздражения, и продолжил расспросы. Одно дело прочитывать такие вещи в исторической литературе, и совсем другое – услышать от человека времен Великого переселения народов.

– Расскажи мне о Чингисхане, – попросил я старого воина. – Как он стал тем, кем стал?

Менге опять недовольно побряхтел, и произнёс:

– Сдаётся мне, что воинским наукам ты предпочитаешь разговоры. Бери-ка, парень, лук и отправляйся стрелять. А о хане я расскажу тебе перед вечерней стражей.

Моя маленькая хитрость не удалась, и я побрёл на стрельбище. Стрельба из лука – это такое занятие, что не приведи господь. Если с саблей я уже обращался на уровне хорошего монгольского воина, помогла казацкая выучка, полученная во время Гражданской войны во втором путешествии во вре-

⁶ Цвета синий и зелёный для монголов одно и то же.

мени, то лук никак не желал посылать стрелы туда, куда хотелось мне. Скажу больше, научиться стрелять из огнестрельного оружия гораздо проще и быстрее. В луке же, начиная с колчана и заканчивая наконечником, всё имеет свой смысл. Не хотелось бы вас нагружать средневековыми оружейными терминами, но стрелять из лука хотя бы так, как здешний десятилетний сопляк, я не смогу научиться никогда.

Промучившись до вечера, а в итоге Менге заставил меня стоять с натянутой до упора тетивой, пока мои руки не ослабли, я с облегчением снял с лука тетиву и, сложив её в специальный мешочек, отправился к месту ночлега.

Менге был доволен, я не очень. Черпая из миски похлёбку, я хмуро поглядывал на наставника. Моё настроение почему-то веселило чингисхановского вояку.

– Ты ещё желаешь послушать рассказ о Великом хане или погрузишься в мутные воды сна? – спросил он меня, усмехаясь.

– Желаю! – строптиво ответил я, хотя глаза от усталости уже отчаянно слипались.

– Ну-ну, – ухмыльнулся десятник. – Тогда слушай, упрямый ишак.

Я никак не отреагировал на выпад Менге. Если честно, то я уже стал привыкать к его «сержантским шуткам» и старался не обращать на них внимания. А он между тем начал свой рассказ:

– Родился хан в кибитке Есугэя-богатура и жены его Оул-

эн, и назвали его Тэмучжин. Кроме Тэмучжина у Есугэя было ещё три сына и дочь от первой жены и два сына от второй жены Сочихэл. В девять лет Тэмучжина помолвили с красавицей Бортэ из соседнего племени хонкиратов. Сам Есугэй возил сына на помолвку и оставил его там, чтобы дети привыкали друг к другу. А когда богатур возвращался назад, то в степи встретил сидящих у костра людей, которые пригласили его отведать с ними их пищи. Есугэй видел, что эти люди не кто иные, как их кровные враги татары, но гордость не позволила ему отказаться от приглашения. Отведав их пищи, он отправился домой, где в муках и скончался. Перед смертью он завещал детям отомстить своим отравителям, которые самым бесчестным образом попрали законы степного гостеприимства.

«А ведь Чингисхан придумывал законы исходя из собственного опыта, – подумал я, слушая десятника. – Предательство, степное гостеприимство и наверняка ещё многое другое, что пришлось выстрадать ему на собственной шкуре».

– После смерти Есугэя все воины покинули бунчук его племени и угнали скот, – продолжал рассказывать Менге. – Напрасно Оулэн пыталась устыдить уезжающих, не остался никто. Голодная смерть ожидала двух женщин и семерых детей. Но Великое Небо не позволило лишить жизни своего любимца. Не для того оно послало его нам. Матери, братья и сестра Тэмучжина остались живы, кроме брата Бектера, ко-

торого за предательство будущий хан собственноручно застрелил из лука.

– И как это восприняла семья?

– Предателю нельзя жить. Предательство – это зло. Если предатель живёт в чьём-то роду, то весь род уничтожается, – жёстко прихлопнул ладонью по кривым ножнам Менге.

– По-вашему, предательство – это как заразная болезнь? – удивился я.

– Как и трусость, и воровство.

«Вот так постановочка вопроса! – удивился я. – Выходит, они не зря убивали весь десяток, с жестокой наивностью полагая, что там все заразны. Но если брат Чингисхана был предателем, то, по его же логике, ген предательства должен сидеть и в нём самом?» Но я не стал озвучивать такие мысли, лучше пока поживём.

– Ну а что он сделал со своим вторым братом и мачехой? – задал я каверзный вопрос.

– Чингисхан не должен объяснять свои поступки, но мне кажется, он специально оставил их под своим приглядом, чтобы в любое время покарать, узнав, что зараза все же поселилась в их душах.

– Логично, – согласился я, потому что знал – начальник всегда прав.

Очень сложный для восприятия человеком с ограниченными умственными возможностями разговор закончился, и Менге, вытирая обильно катившийся по всем частям тела

пот, облегчённо вздохнул.

– А мать, амангала, акем! – выругался он при этом.

«А ты как думал, братан, это тебе не горло резать да девок перед взором умирающих родителей раскладывать, тут башкой думать надо, слова подбирать. Да такие, чтобы пятки под затылок не подвели».

– Ну, скажи ты мне ещё одно, Менге, – решил я до конца добить десятника неудобными вопросами.

Тот вздрогнул, и страх промелькнул в его взгляде. Где-то совсем рядом чирикали птички и беззаботно веял ветерок. Я даже удивился, чего это он так испугался?

– Объясни мне, десятник великого Чингисхана, почему такой бесстрашный правитель лютой ненавистью ненавидел тангутов и чжурчжэней? В чём была их вина?

– Когда-то монголы были данниками тангутов и чжурчжэней. Когда-то Тэмучжин одиннадцать лет отсидел в яме в плену у чжурчжэней. Когда-то тангуты и чжурчжэни точно так же ненавидели мой народ, – заскрипел зубами Менге. – Тэмучжин прав, им не место под Вечным Небом. На протяжении многих десятилетий каждые три года армии Алтан-царства⁷ совершали набеги на земли моего народа. Они убивали мужчин и угоняли в рабство женщин и детей.

– Но почему, что вы им сделали?

– Ты знаешь, почему лев убивает начинающих входить в силу львят своего помёта? – прищурился Менги.

⁷ Так монголы называли Золотую империю.

– Они боялись, что ваш народ войдёт в силу и возьмёт верх, – догадливо протянул я.

Неужели для того, чтобы выжить одному народу, обязательно должен погибнуть другой? Тангутам уже не помочь. Теперь только ветер будет выть да гнать пески по тем местам, где некогда стояли цветущие города и оазисы, а вставшая в очередной раз с колен Китайская империя подберёт бросовые земли некогда могучего государства и присоединит их к своим. Затем станет ждать следующего завоевателя, чтобы в очередной раз растворить среди своей тысячелетней культуры неосторожных победителей. Века идут, народы сменяют друг друга в вечной борьбе за место под солнцем. И только великая Поднебесная не принимает в этом активного участия. Весь мир и так кружится вокруг спящего дракона. Надо просто вытянуть ладонь и подождать, когда плод созреет и упадёт в неё сам.

Глава 3

КАК ЧУЖОМУ СТАТЬ СВОИМ

Сказки о том, что я вместе с Диландаем спустился с небес, вещь приятная для самолюбия дикого варвара, уже второй месяц не видевшего элементарных благ цивилизации. Но поверить в то, что куины – это избранный богами народ, который спустился с небес, а я чуть ли не мессия, это уж извините, это не ко мне.

– Русич я, Диландай, и маманька моя из запорожцев ссыльных была, и папаня из белорусов-переселенцев, – сме-

ялся я на все приставаания красивого здоровяка.

За последнее время мы с ним неплохо поладили, и между нами даже возникло что-то вроде дружбы.

– Смотри, как бы на нас косо смотреть не стали, – пошутил я как-то.

Парень насупился и отвернулся.

– Э, ты чего? – не понял я.

– Ты знаешь, что защитников крепости, которые смеялись над прелестями монгольских жён и кричали, как весело они станут проводить с ними время после того, как разобьют нападающих, Чингисхан заставил всех до одного подвергнуть содомистскому принуждению и умертвить? – произнёс Диландай строго.

– Круто! – присвистнул я и добавил: – А нечего языки распускать, задница целее будет.

Вообще, насколько я успел убедиться, женский вопрос у монголов стоял очень просто: если ты не монголка и не мать воина, то тебя не существует, ты мясо. А вот Бортэ, жена Чингисхана, даже сама водила тумены в бой. Жёны монголов могли на равных сидеть с ними за столом, материться и хлестать тарасун⁸.

– Дак у них же по Ясе за эти дела строго, – вспомнил я. – За радости мужской любви «вышка», то есть смерть.

– Враги монголов под суд человеческий не подходят, – пояснил айн. – Они не люди, они прах под ногами победителей.

⁸ Тарасун – молочная водка.

– Сурово! – в который раз я убедился в великой непредсказуемости Чингисхана.

– Я знаю о таких вещах, от которых харакири хочется сделать, – сплюнул куин.

– А зачем же ты ему служишь, ведь твоё племя монголы не покорили, тебе бояться не стоит, – удивился я знанию куином такого обряда, как вспарывание живота.

– Японцы! – Голос куина снизился до полущёпота. – С испокон веков мой народ владел островом Да Чжеу (Сахалин) и островами до самого Хоккайдо, но пришли жестокие завоеватели и вытеснили нас прочь. Я хочу отомстить, для этого я прошёл посвящение в самураи. А теперешние японцы до сих пор не знают, что такое харакири.

– А кто же ваши завоеватели? Я так и думал, что в Японии живут одни японцы, там даже лошадей нет, потому что они не имели связей с внешним миром.

– Первыми коренными жителями там были мы, а затем нагрянули полчища корейцев, китайцев и других алчущих чужих земель народов. Вот и вытеснили нас до самых берегов Хара-Мурэна⁹.

– Да кто ж вы такие, куины, а то ведь и меня причислили в ваш клан? – решил я выяснить историю этого загадочного племени.

– Куины – это настоящие люди, прилетевшие с небес, – невозмутимо произнёс Диландай.

⁹ Хара-Мурэн – Черная река по-монгольски (р. Амур).

– А остальные, что ж, ненастоящие? – осторожно полюбоществовал я.

– Ты не понял, – улыбнулся куин, – под настоящими твоими творениями богов мы подразумеваем только людей, а все звери, птицы и прочая живность, они не настоящие, потому что не похожи на людей.

«Где-то я уже это слышал», – подумалось мне, но только где – не помнил.

– Ну и как же вы на земле-то очутились, недоразумения космические? – поинтересовался я, чтобы не обижать внеземного парня.

– Встретились на внешнем контуре мироздания Небесный Змей и Богиня Солнце. Полюбили друг друга и, обхватившись покрепче руками, слились в Первую Молнию. И радостно грохоча, спустились они на Первую Землю, отчего сами по себе возникли верх и низ земли. Они сотворили мир, а с ним и Айойну, который создал людей, подарил им ремёсла и умение выживать. Позднее, когда дети Айойны во множестве расселились по свету, один царь возжелал взять в жёны собственную дочь. В отчаянии убежала царевна вместе с любимым псом за великое море. Там и родились у неё дети. От них-то и пошёл народ под прозвищем куины.

Выслушав исповедь друга, я задумался. Совсем недавно я слышал совсем другую историю, но в ней также фигурировал пёс, только он был жёлтый. Но меня заинтересовало не это. Небесный Змей, Молния, раскатистый грохот – всё

это так похоже на посадку космического корабля. А что если и вправду предки куинов и монголов представители иной цивилизации? Отчего бы в части света, где властвовала азиатская кровь, появились люди с другим цветом кожи? Интересный вопрос, надо будет как-нибудь на досуге подумать.

– А ты не слышал, откуда пошёл Чингизидовский род Борджигинов? – решил я развести Диландая на откровенность.

– Рыжих псов много, – хитро произнёс тот.

– Так я и знал, что пёс был один и тот же, – усмехнулся я, оттачивая лезвие сабли. – Может, вам уже признаться другу другу в братских чувствах, да зажили бы вы ладком да рядом. Стал бы ты ханом великим, а не каким-то кешиктенем.

– Диландай, морская собака! – голос Менге был зол и угрюм. – Дуй к тысяцкому, ослиный помёт.

– Что случилось? – не выдержал я, когда Диландай ушёл.

– Языки вам поотрубать! Несёте всякие непотребства! – психанул Менге и скрылся в своей кибитке.

«Кто так быстро мог стукануть? – ворохнулось в мозгах. – Значит, сейчас и по мою душу нагрянут? Бежать! А куда бежать-то, балбес!» – И я сел на корточки и начал насвистывать. Всё одно денег не будет.

– Э, шайтан, ты чего свистишь? – опасно покосился на меня очередной стражник, пришедший по мою душу. – Со всем дурак, злых духов призываешь?

– Хочу и свищу, да пошёл ты, чмо вонючее! – равнодушно зевнул я.

Если честно, то хотел сказать «что обрезанное», но вовремя вспомнил, что ислам татары примут только через сто лет, а монголы вообще станут буддистами.

Диландай стоял уже связанный перед шатром Угэдэя.

– Мы думали, что Джучи станет нашим лучшим воином, жизнь ему даровали, а он? – призывая к себе свидетелей, изрядно поддатый хан окинул пьяным взглядом толпу, ему очень хотелось пообщаться с народом.

– Не учи меня жить, лучше помоги материально, – брякнул я первое, что пришло на ум.

– Это как? – красноречие хана внезапно иссякло.

– А он ещё и на губах свистел, – подлил масла в огонь караульный.

– Т-ты шайтана зазывал? – Угэдэй стал заикаться.

– Браги крепкой налей, да в баньку своди, – стал наглеть я, поняв, что нарушил ещё какое-то табу, решил умереть достойно.

Угэдэй, ошалев от такой наглости, залпом осушил ковш бормотухи и произнес осипшим голосом:

– Ти сё, тля навозьяная, я хьян! Зарубить наглеца.

Ко мне сразу же бросилось десятка полтора желающих немедленно услужить повелителю. Я пошевелил стянутыми за спиной руками. Бесполезно. Вязать сволочи умели. Но всё-таки самый прыткий из телохранителей нарвался на пятку моей ноги и, неприятно захрюкав, отлетел на своих товарищей, по пути некоторых из них уронив на землю. Зазве-

нело покотившееся по полу оружие, заматерились обескураженные кешиктены.

– Вот! – хан ковшом показал в мою сторону. – Это настоящий воин, вы его даже связанного взять не можете. Пшли вон, сволочи!

Затем немного успокоился и протянул мне ковш:

– На, билать! – Это слово тоже привнесённое всё теми же необразованными степняками в великий и могучий.

Такие жесты были нам не в новинку, поэтому выначиваться и ждать, пока придёт кто-то третий и замахнёт мою долю, я не стал и, взяв ковш зубами, осушил его не отрываясь.

– А теперь давай, – выдохнул я, отбросив ковш за спину, – посылай меня, как татарина, на убой!

Как говорят исторические источники и сами монголо-татары: они любили воевать, любить женщин, плодить детей, скакать на лошади и пить водку. Так вот, пить водку они любили больше всего из перечисленного. Правда, к Чингисхану это не относилось, пьянствовать он не любил, а вот его дети были всегда не прочь пригубить, особенно Угэдэй-хан. Позже я узнал, что Чингисхан, чтобы умерить пьянство в своих войсках, приказал выпивать в день не более одного кувшина спиртного. Угэдэй, чтобы не нарушить этого приказа, сделал простую вещь – увеличил объем своего кувшина в два раза.

– Еще один ковш нашему урусу богатуру! Да развяжите вы его! – крикнул довольный хан. – Надо же, «как татарина

на убой», – покачивая головой, повторял он понравившееся ему выражение.

Тогда я ещё не знал, что Угэдэю очень понравилось сравнение, и своих воинов, идущих в сражение первыми, он станет называть «татарами», то есть идущими на смерть. А наши современные татары, как бы они этим ни гордились, к монгольским завоеваниям не имеют никакого отношения. Настоящие татары были полностью истреблены ещё при жизни Чингисхана.

– С превеликим нашим уважением желаю чокнуться с тобой, – решил я подмазаться к хану, раз обстановка стала такой дружеской и интимной. Я протянул ему ковш для того, чтобы чокнуться.

– Что? Ты не доверяешь своему повелителю? Ты хочешь смешать наше вино! – закричал он в негодовании.

И тут я понял, что это перебор. Так не доверять другану, это верх свинства даже для меня, человека, всё время забывающего о традициях.

– Дак я же не потому, – попытался оправдаться я. – У нас так принято, чтоб со звоном бокалов.

Хан меня понял, или сделал вид, что понял:

– Желаю видеть тебя и богатура Диландая в моём шатре!

И что тут началось! Я стал свидетелем того, как в перерывах между битвами развлекался Угэдэй-хан. Если бы я выпил всё вино, что подносили мне, – я бы умер. Если бы я переспал со всеми женщинами, что принимали передо мной

самые соблазнительные позы, – я бы умер.

Я бы умер ещё в десятке случаев, потому что наш век научил меня только одному из всех предлагаемых на ханской вечеринке разнообразий – пить и не закусывать. Всё остальное – это не для нас. И, по-моему, именно это умение позволило мне занять подобающее место среди веселящейся публики, меня круто зауважали. Но я ведь тоже не железный, и наконец наступил момент, когда память стала пропадать, а нехороших людей, которым бы я врезал по физиономии прямо здесь, за столом, становилось всё больше и больше. Как в калейдоскопе закружились картины: братание с Диландаем, полубоубнажённые красотки, исполняющие танец живота, вспыхнувшая обида на монголов за ещё непокорённую Русь, рукопашные стычки с пьяными нукерами... Наконец, полная потеря памяти и... отбой.

Может, всё бы и обошлось, но Угэдэй назюзился, так что лыка не вязал, а кто за меня кроме него заступится? Ночевать пришлось в зиндане вместе со своим новым побратимом Диландаем. Утром невыносимо болела голова...

– Выпустите нас или предъявите обвинение, сатрапы узкоглазые! – не выдержал я холода. – Или поднесите чарочку за упокой души, а то напоить напоили, а похмелиться не дали. Так поступают только садисты. Даже шайтаны так не делают, – блажил я, тряся прутья решётки.

Шутка ли сказать, вечером был в лучших дружбанах у монгольского хана, а утром за решёткой. Столпившиеся во-

круг чумазые мальчишки, глядя на нас, надрывают животы от смеха.

– Эй, пацаны, дайте воды, – попытался я подманить одного из них.

Вскоре один из оборванцев сжалился над нами и тайком от стражника передал нам плошку с водой.

– Класс! – зажмурил я глаза. Оставшуюся в плошке воду передал Диландаю, уже стоявшему возле меня и облизывавшему пересохшие губы.

– Как звать-то тебя, Гаврош?

– Барони, – шмыгнул носом малец.

– Как! – Вы, наверное, понимаете, что меня удивило в этом имени. Плюнуть некуда, одни знакомцы кругом. – Скажи ещё, что ты из рода Киле?

– А как ты узнал? – Глаза мальчонки поползли вверх. – Ты что, тоже тудири?

– Наверде того, – ответил я, внимательнее приглядываясь к пацану.

«Ничего не происходит случайно, – билась в голове беспокойная мысль. – Но ведь вечной жизни не бывает! А шагать по временам? Оказалось, можно!»

– Я только учусь, – шмыгнул носом пацан.

– Откуда ты, малой? – поинтересовался я.

– Моя родина далеко, на берегу большого озера, что у великой реки Чёрный Дракон... Сейчас сюда придут люди хана, урус, – кивнул пацан в сторону шатров.

– Не теряйся, Барони, – произнёс я торопливо, кося глазом на приближающихся нукеров, – я хочу ещё говорить с тобой.

Угэдэй смотрел на меня с пониманием, но поднести похмелку не торопился. Сам-то он уже забыл мои мелкие преступления и готов был в очередной раз даровать жизнь. А вот его брат, хранитель Ясы, Чаготай, считал иначе. Ему очень не нравилось: что я часто насвистываю; что, ввязавшись в драку, убил несколько воинов; что нехорошо отзывался о его папе. У Диландая преступлений было гораздо меньше, чем у меня: помочился в костёр и, как я, о Чингисхане нехорошее что-то сказал. Но и его не пощадили. Казнить решили нас самым гуманным способом – сломать хребет.

Но тут своё слово сказал Угэдэй:

– Это воины, – сказал он, – убивать их нельзя. На моей памяти ни один из воинов не смог одолеть чаши Чингисхана и остаться на ногах. За что же нам хоронить этот добрый обычай? А как гласит Яса: «Человек, одурманенный вином, не может отвечать за свои поступки и поэтому достоин снисхождения».

– По-твоему, если этот пьяница смог выпить содержимое ханского кубка, значит, он хан? – скептически ухмыльнулся Чаготай.

– А может, это сам Великий хан требует перерождения, – раздались робкие голоса поддержки.

– Наш священный долг помочь ему в этом, – обрадовался

поддержке Угэдэй.

– По закону Ясы, эти люди должны умереть, – раздался непререкаемый голос Чаготая. – И я не позволю, чтобы грешники ушли от ответа лишь потому, что они вместе с тобой вкусили вина и женщин.

«Вот гад, женщин-то не было», – заозирался я обиженно по сторонам.

– Вот сволочь! – пробубнил себе под нос Угэдэй. – И зачем только отец поставил этого зануду Великим Хранителем Ясы.

– Хорошо, брат, – вдруг сдался Угэдэй. – Давай Божий суд. Кто из них останется в живых, того и правда.

– Ещё чего не хватало! – сплюнул я пренебрежительно. – С побратимом биться не желаю.

– Тогда казним обоих, – сокрушённо развёл руками оруженосец хана.

– Великие ханы, дозвоьте слово молвить! – обратился я к ханам, как и следует по русскому этикету отбив земной поклон.

– Валяй! – махнул железной перчаткой Угэдэй.

– Дозвоьте нам с другими сволочными негодьями силушкой померяться? Несподручно нам друг дружке головы рубить. Братья мы всё же, хоть и названные.

– Ну что? – Угэдэй взглянул на Чаготая.

– Да шайтан с ними, а не то и вовсе зрелища можем лишиться, – сдался тот.

– Дозволяем, – сурово кивнул подбородком Угэ- дэй. – Но гляди, Джучи, ты сам этого пожелал. Вывести ему того убийцу, что взят был у подножья горы Бурхан- Халдун.

Это были последние слова, что я смог услышать, после чего в голове у меня что-то щёлкнуло и я оказался сразу во сне и наяву.

«Это что ж, Соловей-разбойник, что ли?» – подумал я, разглядывая огромное чудище в рваных одеждах.

Тот же, щерясь беззубым ртом, не преминул напомнить о своей бандитской сущности.

– А сколько я зарезал, а сколько перерезал, а сколько душ безвинных загубил, – заголосил он по фене.

– Чё, фраерок, фарт не катит? – поинтересовался я. – Пообносился, как бомж с помойки. Честный блатной даже в очко с тобой перекинуться не сядет.

– Век свободы не видать, я по жизни свистуном в законе был, – окрысился он. – Сейчас тебя на пику подсажу, и хозяин послабуху реальную даст.

И Соловей свистнул. А как он свистел! И «Яблочко», и «Эй, ухнем», и «Крутится-вертится шар голубой». Ну просто заслушаешься. Но, видно, время его поджимало, и он, наскоро исполнив весь неприхотливый репертуар, вынув из рваной штанины стилет, прыгнул на меня.

– Откуда ты, голубь, выискался? – поинтересовался я, вырвав тычину и легонько дав Соловью по невымытой шее.

– Царевна меня послала, беда у неё. Если не выручишь,

говорит, быть ей навеки опозоренной и с тобою разлучаю.

– Как звать царевну ту?

– Адзи сказывалась.

– Где найти мне её?

– Скоро, поди, встретишь, гонят её полоном к самому Уг-эдэй-хану.

Со свистом рассеченный саблей воздух обжёг моё плечо и вернул в реальность. Не было ни Соловья-оборванца, ни разговоров о чуде-царице, передо мной стоял свирепый меркит по прозвищу Бездонная Бочка. Это он на днях в пьяной драке порубал весь ханский патруль и тоже хотел Божьего суда.

«С каким контингентом приходится работать!» – огорчённо вздохнул я и отскочил в сторону. Бочка, отчаянно вращая двумя саблями, так и норовила переехать меня всей своей массой, аж обручи скрипели. Противник был сильным, но глупым. Ещё ни в одной схватке я не встречал врага, который бы бился так неразумно. Как я понимаю, виной всему отсутствие начального образования и знания элементарных правил сил тяготения и энергии. Проще говоря, дрался он бесхитростно, не по науке, уверенный в том, что у кого кулак больше, тот и победит. А, как я уже говорил, со мной так нельзя. Сабельные удары уходили куда-то в сторону, движения были неуклюжими. Над ним уже начали смеяться его же кореша, а это самое последнее дело.

Представляете, что такое смеяться над человеком, у ко-

торого под девятью сантиметрами лобовой брони с трудом трепещется пара недоразвитых извилин зачаточного состояния? То-то и оно, ребёнок ещё не родился, а его уже разговаривать заставляют. Тут было уже не до эстетики. Поэтому я не стал затягивать поединок и, поднырнув под занавес от сверкающих сабель, проткнул противнику живот. Тот, не веря своим глазам, посмотрел на хлынувшую кровь и, прокричав что-то нечленораздельное, в предсмертном броске попытался прихватить меня с собой. Но его сабли вновь поймали пустоту, а их хозяин неловко завалился набок и затих.

Наблюдая за поединком Диландая, я пытался связать воедино слова Соловья. Что он имел в виду? Как вы уже успели догадаться, меня в самый неподходящий момент вновь посетило видение.

Имя Адзи было на слуху уже давно. Была она принцессой чжурчжэньской, это тоже понятно. Если верить Соловью, то, значит, сейчас она в плену и везут её к самому Угэдэю. А Угэдэй с пленными принцессами делает то же самое, что и его покойный батюшка Чингисхан, он делает братиков и сестрёнок своему многочисленному потомству. Таков уж менталитет монгольских ханов, любят они своего врага унижить именно таким приятным образом. И помочь Адзи не может никто. Нет под этим небом такого человека, разве только самоубийца какой, да и то, справится ли он? Под ложечкой за-свербило. Мне подумалось, что этим самоубийцей должен стать я.

«Парень, парень, даже не думай», – пытался меня наставить на путь истинный внутренний голос.

«Э, чёрт, закройся! А то скальп снимут», – это я уже Диландаю делаю мысленные замечания, потому что он опасно открывается.

Внутренний голос у меня очень активный, но не всегда мне нравятся его советы: «Зачем нам эта принцесса? У нас их будет уйма, и причём самых разных. Выбирать устанешь, – продолжил наставляя внутренний стервец. – Ты ведь у нас такой крутой, что и королевством можешь обзавестись».

«За королевство воевать надо», – возразил я.

«Необязательно», – бодренько хихикнул внутренний голос.

«Это как?»

«Жениться на вдовствующей королевне».

«Да пошёл ты... Сам женись!» – послал я его куда подальше.

«Я бы женился, но без тебя никак», – с сожалением вздохнуло моё второе «я».

Меж тем Диландай произвёл заключительный выпад, и противник его по имени Непоседа отправился в небесные чертоги вспоминать имена изнасилованных и убитых им девочек. Говорят, что пока все свои грехи не вспомнишь, за ворота не пускают. И будешь, как последний бомж, под воротами всю вечность куковать.

– Властью, данной мне Вечным Небом, снимаю с вас все ваши прегрешения, – объявил по окончании поединка Угэдэй.

Я поклонился и поблагодарил ханов за великодушное продление наших жизней ещё на некоторое время. И пока в их головы не втемяшилась очередная наша вина, за которую нас стоило бы убить, я ухватил Диландая за руку и потащил его с глаз долой.

Лежа на войлочном полу юрты, стал вспоминать свои сны из тех, прошлых жизней. Верный Диландай притулился рядом, не подозревая, что является активным участником этих снов, и размышлял о том, где бы ещё найти опохмелку.

Все мои сны рассказывали о некой предстоящей встрече. Персоной этого рандеву, по всем законам жанра, будет не кто иной, как человек из моего времени. В тех снах я уже не служил у монголов.

– Послушай, Диландай, а не намылиться ли нам в обоз, в гости к прекрасным созданиям? – предложил я куину.

Средства имелись, и настроение улучшилось настолько, насколько его поправило приобретённое у перса- торговца вино. Не надо думать, что местные женщины, исходя из перечисленных мною ранее запретов на мытьё и стирку, меня совершенно не вдохновляли. Посмотреть на их танцы да послушать песни я был не прочь. Какое- никакое развлечение. Синематограф и телевиденье изобретут не скоро, а человек во все времена жаждал хлеба и зрелищ.

– Завтра караул у шатра повелителя, – напомнил мне Диландай.

– Он ещё не Великий хан всех монголов, а караул мы не проспим, – строптиво произнёс я, уже поднимаясь с пола.

По монгольским законам нового Великого хана не избирали два года. Ровно столько времени длились поминки по хану умершему. После смерти Чингисхана два года его обязанности временно исполнял четвёртый сын хан Тулуй.

Вскоре мы казались в обозе. Тут же пронырливые торговцы живым товаром предлагали приобрести в собственность себе подобных мужского и женского пола. Женщины здесь были на любой вкус и цвет. Ещё бы, только один из пяти жителей Старого света не был зависим от монгольского ига. А через несколько лет такая же судьба ожидает и Русь. А что если плюнуть на всё и податься спасать отчизну от Батыева нашествия?

– А эта чем тебе плоха? – услышал я обиженный голос куина. – Шибко баба для утех годная. Смотри, какая кожа гладкая да мягкая.

– Да годная, годная, – отмахнулся я, а сам продолжал думать о том, как всё же подмочь исторической родине. Но, выпив очередную чашу молочной бурды, решил, что не пока стоит. С моим-то характером я там такого наворочу, что ни Ключевский, ни Соловьёв потом ничего не разберут. А не дай бог, цепочка временных событий изменится? Я вернусь домой, а там все уже при коммунизме живут и компартия

США опережает нас в социалистическом соревновании? Вот уж дудки этим америкосам, пусть живут себе в загнивающем капитализме, не буду пока вмешиваться.

Тут я увидел девочку, совсем ещё ребёнка, лет двенадцати-тринадцати. Это угловатое и худенькое тело было до безобразия беззащитно своей детской неспелостью. Она с безучастным видом наблюдала за торгами, а на щеке блестела крупная слеза. Скорее всего, девушка была персиянка, либо славянка с примесями жгучей южной крови. Нежный овал лица и большие удлиненные глаза ясно говорили об этом, а выражение лица о том, что росла она и получала образование не в овине.

«Красота-то какая, и почему это её никто не покупает? Неужели такая дорогая? – подумал я. – Ведь через год-другой, когда отпадут перья гадкого утёнка, она затмит своей красотой первых красавиц Поднебесной и её окрестностей». Обратился за ответом к купцу.

– Э, дорогой, сразу видно, не нашего ты ремесла человек, – щёлкнул пальцами тот. – На будущее у нас никто не работает. Продать надо здесь и сейчас. Посмотри, какой он худой, даже груди нет. – Торговец бесцеремонно ущипнул девчонку за сосок. – Нет, такой товар никто не купит, – с досадой махнул он рукой.

– Ну дак отпусти её, – посоветовал я.

– Проходи, чужестранец, ты мне так всю торговлю порушишь, – замахал руками торгош.

– И все же, что с ней будет? – продолжал я.

– Что будет, – почесал подбородок купец. – Солдатам охраны в долгом пути тоже развлечения нужны. Хорошо будут развлекаться, лучше за товаром смотреть станут, – нашёл он выход из положения.

Я с сожалением посмотрел на девчонку. Кого-то она мне напоминала? Но кого, хоть убей, не помню. Я видел, как затряслись её покрытые нежным пушком щёки и как она с трудом сдерживает рыдание. Гордая. «Да, девонька моя, видать, посмотрелась ты за свои годы».

– Ну ты чего, я уже с тремя успел, – дёрнул меня за рукав Диландай.

Я повернулся к нему и... вспомнил. В девчонке было что-то от моей бывшей одноклассницы Иринки Овечкиной. Вот ведь как бывает!

– Ну что встала, ослица непокорная, – донёсся до меня злой голос купца.

Я повернулся в их сторону и увидел, как упирающуюся девчущку тянет с помоста за руку какой-то круглоголовый чудик в замызганном халате. Та, упрямо склонив головку на длинной шее, исподлобья косилась на меня. По-видимому, после моего разговора с купцом она увидела во мне своего защитника. Но я ведь покупать её не собирался!

«Мы в ответе за тех, кого приручили», – съехидничал внутренний голос.

– Постой, любезный, – еле сдерживая ругательства, как

можно ласковее произнёс я. – Куда ты её потащил? Разве мы уже сторговались?

– Дак это, – стушевался торговец, – я это того, подумал, что уважаемый богатур из обыкновенного любопытства об девчонке треплет...

– Так ты, грязное свинячье рыло, – моя злость стала вырываться наружу, – хочешь обвинить ханского кешиктена в том, что он от безделья шатается по всяким помойкам и пялится на голозадых девиц?

Выступил я неплохо. Даже Диландай всё воспринял за чистую монету, а что говорить о девчужке? Она вся сжалась, опустила голову к коленям и мелко-мелко затряслась. Шум привлёк зевак.

– К чему она тебе? – ткнул меня в бок куин. – Куда ты её денешь? Заплати купчишке за разок, если она тебе так понравилась, и уйдём...

Не дослушав, я резко повернулся к Диландаю. От моего взгляда тот попятился, а потом как ни в чём не бывало продолжил:

– А пока она может пожить в обозе у маркитанок, им ведь швей нужны, или в нашей кибитке... Мы всё равно по очереди в карауле. И опять же, еду для нас будет кому готовить. – Рот куина расплылся в улыбке.

Я приложил к его носу кулак.

– Чуешь, чем пахнет?

Я швырнул торговцу какую-ту медную безделушку и,

пройдя сквозь толпу зевак, направился к нашей кибитке. Следом трусила девчонка, за ней, стараясь не отставать, двигался Диландай, неся сверток с её вещами, что передал ему купец.

В кибитке я заставил её переодеться. Пока мы с Диландаем не вышли из кибитки, она развернула сверток. Увидя в нём что-то, по-видимому, очень дорогое, потому что я успел заметить, как блеснули её глазёнки. Что-то тёплое шевельнулось у меня под сердцем, будто встретил свою сестру. Хоть какая-то живая душа, о которой я мог позаботиться.

– Ты что, и вправду жениться решил? – в голосе куина послышался испуг.

– Ну, ты и дурак! – не выдержал я. – Ты видишь, сколько этой соплюшке лет? Ей же ещё в куклы играть.

– Ты её не расспрашивал, может, ей какие-нибудь нехорошие дяденьки «помогли» и куколок для неё искать не придётся, сами появятся, – ухмыльнулся Диландай.

Я опешил. Об этом-то я и не подумал. Совсем забыл, откуда я её привёл. Почему-то вспомнился вопрос, вставший перед жителями Простоквашино: если колхозная корова принесёт телёночка, то чей он будет?

– Не-а, – покачал отрицательно головой Диландай, поняв мой немой вопрос. – Я ещё молодой и не победил дракона.

– Пошли знакомиться, – кивнув на кибитку, предложил я.

– Девочка, как тебя зовут? – задал я самый первый и банальный вопрос.

– Особ королевских кровей не зовут, за ними приходят слуги, – горделиво ответила особь с детской непосредственностью, уже забыв о своём недавнем униженном положении.

– Н-да, – сочувственно покачал головой куин. Он даже не думал приходить мне на помощь.

– Ты сейчас не в том положении, чтобы хамить взрослым дяденькам, – сделал я серьёзное лицо. – Не будешь отвечать, верну туда, откуда взял.

– Вы не понимаете шуток, молодой воин. Во дворце меня звали принцесса Тань Я.

– А скажите мне, принцесса, всё ли у вас в порядке по части девичьей непорочности? – взял я быка за рога, потому что, во-первых, совершенно не знал, как решаются такие дела, а во-вторых – не поверил в её царевишное происхождение. От неловкости, которую я ощущал, разговаривая с ребёнком на такие деликатные темы, меж лопаток потёк пот, а лицо покрылось мелкой испариной.

– Я не знаю этого, – принцесса стеснительно прикрыла своё личико ладонью. – Ваши воины такие сильные и дикие... А вообще-то, незнакомые юноши такие нескромные вопросы молодым дамам не задают. Другое дело, если вы хотите на мне жениться. – Её взгляд стал томным. – Я согласна!

– Может, её того, – считая что девчонка ломает комедию, грубым жестом показал Диландай.

– Не надо «того»! Совсем плохо «того»! – взвилась испуганно девчонка.

– Не бойся! Не будет «того»... – Я погрозил кулаком Диландаю. – Рассказывай, принцесса...

В ходе разговора выяснилось, что её пытался изнасиловать монгольский воин, но в пылу страсти он никак не мог проникнуть в самое сокровенное место. То ли кольчуга мешала, то ли опыта было маловато. Тут на его глаза попала куда как более пышная и аппетитная кандидатура. И он, ударив рукоятью сабли девчонку по голове, отшвырнул её в угол. Так и пролежала бедолага без сознания, пока не объявилась трофейная команда и не продала всех пленниц купцам.

– Так значит, ни-ни? – живо заинтересовался Диландай.

– Значит, ни-ни, – резко пресёк я. – Сестра, стало быть, она мне названная, а значит и тебе. Мотай на ус, побратим.

– Так я ничё, я за тебя, – заскромничал парень.

– А с тобой бы я попробовала, – девчонка повторила жест Диландая, чем окончательно ввела меня в краску.

– Это видела! – показал я ей плеть и решил, что на этом предварительный воспитательный процесс закончен.

Диландай промолчал и лишь покачал головой. Ему-то были хорошо известны правила обращения со средневековыми дамами. Но в этот раз потомок пришельцев решительно умыл руки.

Глава 4

ДОЧЬ ИМПЕРАТОРА

– Урус и куин к сотнику! – раздалась команда, лишь толь-

ко из-за бархана показался первый луч солнца.

Я продрал глаза и, поплевав на пальцы, протёр веки. Среди нас была девушка, и следовало хоть как-то соблюдать рамки приличия. Диландай скептически ухмыльнулся и демонстративно рыгнул. «О каких романтических отношениях можно думать в таком обществе?» – не одобрил я его хамства. Но когда принцесса Тань Я сделала то же самое, я обескураженно махнул рукой.

Страж, проведя нас меж двух огней, впустил в шатёр. Считалось, что когда тебя проводят между двух костров, то все плохие помыслы и прицепившиеся к одежде злые духи сгорают.

– О Великий сын Неба и посланник богов! – заголосил я, как только мы перешагнули через верёвочный порог. Спотыкаться о него было не положено, даже будучи сильно пьяным. У монголов огромное количество табу, соблюдать их все я, разумеется, не мог. Как мог, старался подстраиваться. Моя напыщенная приветственная речь была прервана протянутой чашей с тарасуном.

– Подкрепись, богатур, дело у меня к тебе важное, – произнёс Угэдэй напыщенно.

А я подумал, что такими темпами скоро сопьюсь. Но как раз это был один из случаев, когда отказываться от угощения было смертельно опасно.

– Дошло до моих ушей, что держите вы в кибитке полонянку ханских кровей необыкновенной красоты?

«Уже наступали!» – похолодело в груди.

– А ведомо ли тебе, что возлежать с принцессой может только равный по положению?

«Сам недавно баранов пас, а туда же – «равный по положению», – зло подумал я, но вслух произнёс:

– То нам ведомо, Потрясатель Небес. За медный грош купил я тойную девку-замухрышку...

– Зачем же тебе такая страхолюдина? – передёрнулся хан. – Неужели и в постель её пускаешь?

– За баранами будет ходить да снедь каку-никаку сподобить. А по женченскому делу она нам не в надобность. Ежели хан думает, что она рода какого знатного, пусть забирает её себе хоть сейчас.

– Пусть девка остаётся у тебя, тебе помощница нужнее, – махнул рукой хан. – Не из-за неё я позвал вас.

Дальше мы узнали, что где-то там, у Великой стены младший брат Угэдэя Тулуй захватил большие трофеи. Среди них много знатных чжурчжэньских женщин. А одна даже дочь покойного императора Удабу, китайцы звали его Сюань Цзун.

При последних словах моё сердце забилося сильнее. Вспомнились слова Соловья о принцессе плененной.

– Так вот я поручаю десятку своих верных кешикте-нов доставить весь двор ко мне. А там мы разберёмся, от кого и каких наследников им предстоит рожать, – пренебрежительно улыбнулся бывший скотовод.

– Как обращаться к высокопоставленной особе? – скромно склонил я голову.

– А! – неопределённо покрутил в воздухе пальцами хан. – Сам придумаешь. Но пальцем ни-ни!

Мы поднялись. Диландай, громко брякнув саблей, произнёс:

– Слава Небу всевидящему, ты в верные руки отдаёшь обоз. Можешь на нас надеяться.

Наказав Тань Я, для простоты общения я уже звал её Татьяшей, следить за хозяйством, мы вместе со своим десятком под командованием Менги направились в сторону города Дачаньюаня. Там готовилась грандиозная битва против Цзиньских войск. Именно там и попал в плен царский двор покойного императора.

Уже перед самым отъездом произошёл небольшой инцидент.

– Я поеду с вами! – непрерываемым голосом заявила Татьяна, запрягая подаренного ей ослика.

– Нет! Ты будешь ждать нас в том месте, которое я укажу. – Мой голос сразу посерьёзnel.

– Я принцесса, и не смей так со мной разговаривать, воин! – задрала носик девушка.

– Не было заботы, купила баба поросё, – вздохнул я, подтягивая уздечку.

– Ты, ты меня назвал свиньёй, этим непотребным животным, имя которого для благоверного мусульманина и слы-

шать-то великий грех!

Как я ни пытался ей объяснить, что это поговорка такая, иносказание то есть, ничего не помогало.

– Раз ты так, то поеду рядом с нашим братом Дилан- да- ем, он нас любит и никому в обиду не даст, – показала мне язычок негодница.

– Какая ты принцесса, принцессы языки не показывают, – осадил я её.

– А настоящие воины своих сестёр одних не бросают, вот так!

Я вспомнил свою младшую сестрёнку Лену, которая в далёком детстве словно хвостик повсюду болталась за мной. И надо заметить, никогда не плакала, а наоборот, когда ей было больно, не показывала этого и громко смеялась. Учительницей всё хотела стать, когда вырастет.

– А что, пускай прокатится, прогулка-то так себе, можно сказать увеселительная, или ты кого боишься? – Голос друга стал до приторности елейным.

– Добро! Вот и присмотришь за ней, – я дружески опустил руку на плечо Диландая.

– Да я чё, я ничё, – захлопал ресницами куин. – Пусть дома сидит. А то отвечай за неё. Мы так не договаривались.

– На конь! – раздалась команда Менге.

– Послушай, командир, тут такое дело, – зашептал что-то на ухо десятнику Диландай.

– Не блей, словно баран, – отшатнулся от него Менге, –

говори ясней.

– Сестру, говорю, с собой надо взять.

– Как в седле?

– Выдержит.

– Бери.

Я подивился быстрому согласию командира.

– Не лапай, сама справлюсь, – отвергла принцесса попытку Диландая помочь ей взобраться на коротконового монгольского скакунка.

– Стойте, стойте! – донеслись до нас чьи-то запоздалые возгласы.

Мы повернули головы в сторону кричавших. Внушительная кавалькада всадников, разбрасывая тучи пыли, приближалась со стороны ханских покоев, но Угэдэя среди них не было.

– Что там произошло, шакалы их раздери? – выругался десятник.

– Уважаемый десятник Менги, мы осмелились вас задержать с разрешения тысяцкого Туга, – проблеял тот самый торгош, у которого я купил Танюху.

Я сразу понял – толстяк привёз неприятности.

– Вчера воин вашего десятка приобрёл товар не совсем правильным путём, – начал юлить торгош.

– Украл, что ли? – не стал миндальничать Менге.

– Я бы не стал говорить так утвердительно, – продолжал мяться торговец.

– Слушай, ты, испражнения бабуина, я воин, и на свои вопросы привык получать чёткие ответы, – просипел десятник, буравя торговца глазами.

Мы покатывались со смеху.

– Они заплатили слишком смехотворную цену за товар, а он стоит во сто крат дороже, – выпалил торговец.

– Интересно, как это мои глупые молодцы смогли обвести вокруг пальца такого зубра? – удивился даже десятник. – И что же это за драгоценность?

– Вот! – Указующий перст искателя справедливости был направлен прямо на Тань Я.

– Что? Эта мокрохвостка стоит таких денег?

– Это не мокрохвостка, это принцесса правящего дома наших союзников уйгуров, – выдвинулся вперёд один из монгольских чиновников.

– Так ты заплатил купцу за товар или нет? – посмотрел на меня Менге.

– Сполна, – без смущения сказал я. – Но если они хотят вернуть её под отчий кров, я только буду рад.

После этих слов я перехватил такой взгляд раскосых глаз молодой уйгурки, что решил больше в ту сторону не смотреть.

– Так дела не делаются, – десятник повертел головой. – Назови цену, которую дашь за этого цыплёнка?

– Господин кешиктен заплатил полушку серебра, – торговец начал было сбивать цену.

– Это и понятно, ведь урус покупал, а ты продавал гулящую девку, – торговаться командир умел, – а сколько, по твоему, должна стоить принцесса?

– Кто сказал, что я собираюсь домой? Диландай берёт меня с собой, – неистово кричал «предмет торга», восседавший на лошади.

Все обернулись на возмущённый девичий крик. Посмотрел и командир. Разгневанная девица с перекошенным и покрасневшим лицом добавила Менге азарта. Он вновь посмотрел на купца:

– Ну, на чём мы остановились? На цене... Сколько предлагаешь?

– Шесть боевых чистокровных скакунов, – начал перечислять тот, – три дамасские сабли с булатными ножами, русские кавалерийские луки с запасными тетивами...

– Тетиву проверять буду сам, – перебил купца командир. – Под проливным дождём, – предостерег обратную сторону Менге. – Пожалеете, если монгольские или какие другие подсовывать будете.

Далее последовали копья, топоры, чжурчжэньские брони. Ну и несколько золотых орлов (римское золото) на веселие души.

– Я хочу остаться! Меня уже купили! – продолжала блажить принцесса.

– Скажи спасибо, что ребята у меня хорошие и урону тебе не причинили, дура ты малолетняя, – по-отечески журил её

Менге. – Подневольное дело такое, сегодня купили, завтра продали.

Наконец, сопротивляющуюся изо всех сил принцессу стащили с лошади и увели.

В лагере стало скучно.

– Как будто чего-то не хватает, – первым не выдержал Диландай.

– Выезжать пора. В дороге вся дурь-то развеется, – проворчал Менге.

Наш поход начался с восходом луны. Подчиняясь заведённому порядку, основная группа держалась посередине, четверо разведчиков рыскали по сторонам. Это был мой первый боевой выход, и поэтому всё было интересно и необычно.

– Послушай, Менге, а почему ты взял именно русские луки? – спросил я с гордостью за отечественного производителя.

– Потому что монгольских у нас полно.

В ответе командира я уловил хитрый смешок.

– Не умеете вы, урусы, торговать. Купцу на базаре и то уступаете, а это значит, и в битве проиграете, – уже по-серьёзному добавил он.

3 Империя в огне

65

– Я не про торговлю. Я про то, почему именно русские?

– Потому что лук уруса бьёт туда, куда надо, и дальше,

чем любой другой лук. Потому что из него можно стрелять и в дождь, и в снег, – разъяснил десятник. – Из-за того что в дождь стрелки остаются без работы, было проиграно не одно сражение.

– Но почему тогда нельзя все луки заменить на русские? – не отставал я.

– Гляжу я на тебя, урус, и думаю. Воин ты сильный. Не знаю, найдётся ли в нашем войске тот, который мог бы тебя победить.

«Ещё бы, – самодовольно усмехнулся я, – мастер спорта по боевому самбо».

– Ты здорово дерёшься на ножах, неплохо на саблях и цепями, старательно учишься стрелять из лука, – продолжал Менге. – Но почему ты такой глупый?

Я опешил и, не скрывая своей обиды спросил:

– Это почему же?

– Потому что каждое оружие требует своего боя. Монгольский лук лёгок и скорострелен. С ним хорошо воевать с коня, а русским луком в пешем строю. И так во всём.

Я сконфуженно замолчал.

– Хоть ты глуп и слова у тебя бегут впереди мысли, но ты любознателен и быстро всё схватываешь, – его голос приобрел родительскую интонацию, – поэтому буду сам тебя учить.

Дорога длинная, развлечений никаких, чеши себе языками да чеши. Глядишь, чего полезного и услышишь. А с лу-

ком у меня действительно проблемы. Монгольская женщина растягивает его гораздо легче, чем я. Вроде бы и силушкой бог не обидел, и сноровка есть, а вот нет. Стыдно сказать, тренируюсь на девичьем луке.

Дорожная скука – вещь неустойчивая. Что-нибудь приключиться может в любой момент.

Прискакал один из дозорных и сообщил десятнику, что слева, параллельным курсом движется небольшой отряд человек из двадцати.

– Странные они, – докладывал он. – Половина людей на лошадях, другие – на ишаках. Есть в караване и пара верблюдов.

– За мной! – скомандовал Менги.

Подъехав ближе, привыкшие ко всему воины, раскрыв рты, уставились на представшую перед нами картину. На лошади в белой накидке с красными крестами сидела груда железа с турнирным копьём наперевес. Его окружала кавалькада священников-оруженосцев вперемежку с воинами. Я еле сдержал хохот, рвавший наружу, когда разглядывал раскачивающуюся на лошади кучу ржавого металлолома. Ладно я, человек двадцатого века, вынужден рядиться в маскарадные лохмотья и подстраиваться под условности тринадцатого века. Но ты-то! Рыцарь печального образа, мать твою через железяку!

– Я приветствую вас, братья во Христе, мир вам и вашим семьям, – проскрежетал голос из ржавой банки. – Есть

ли среди вас еретики, диссиденты или недостойные рыцари, смеющие утверждать, что на свете есть миледи прекрасней Маргариты де Шеренье?

Менге и его воины не читали рыцарских романов, поэтому взирали на происходящее совершенно ничего не понимая. Я решил взять инициативу на себя.

– Я бы не осмелился этого утверждать, досточтимый милорд, по одной простой причине, что не имел чести быть знакомым с предметом ваших воздыханий, – учтиво произнёс я. – Может быть, снимете кастрю... прошу прощения, рыцарский шлем, погода ведь не располагает.

Сами мы ехали налегке, без брони и шлемов. Обычная тактика войска на марше, а то намаешься под этими железяками в пути, что потом, когда придёт время сражения, ты и руки не поднимешь. Наши ребята посмотрели на меня удивлённо, и даже с некоторым испугом.

– Может, их того, – чиркнул ребром ладони по горлу Диландай. – И в песок.

– Не стоит, – авторитетно заявил Менги. – Я уже таких встречал, когда мы с Чингисханом ходили воевать Хорезм. Безобидные люди. Гроб Господа своего потеряли, а теперь ищут. А белые одежды, чтобы кто ненароком не обидел.

– Может, им лепёшек дать? – пожалел крестоносцев кто-то из толпы.

Ситуация становилась всё более комичной.

– А не подкрепиться ли нам чем бог послал? – решил раз-

рядить я обстановку.

Костёр в пути для степняка святое дело. Около костра все путники друзья и братья.

– Как же вы оказались в наших краях? – задал я мучивший меня вопрос, когда чувство голода сбила жареная баранина, а горло промочила молочная водка.

– Идём к земле обетованной городу Иерусалиму Гроб Господне из лап язычников вызволять, – вытер губы грязной пятернёй рыцарь, молодой ещё совсем пацан милорд Анри де Пюсси.

– Сочувствую вам, милорды. – сочувствующим голосом произнёс я.

– Не смейте жалеть нас, милорд, мы не нуждаемся в чьей бы то ни было жалости, – высокомерно отвечал паренёк.

«Ах ты сучонок высокородный, вот спесь-то дворянская, его накормили, обогрели, а он гонором давит!» – возмутился я про себя, а вслух произнёс:

– Не почитите за оскорбление, но ваши милости левее своей цели на несколько тысяч вёрст промахнулись. – Я был сама учтивость.

Что тут началось! Сначала они переругались между собой, а затем нашли крайних.

– Я сразу почувствовал, что вы не с должным почтением отнеслись к даме моего сердца, – заявил пацанчик в кастрюле с прорезьями для глаз. – Признайтесь, что даму своего сердца вы считаете прекрасней моей.

С одной стороны, это была чистой воды провокация, с другой – подлинная правда. Я действительно считал даму своего сердца прекрасней всех на свете, в том числе и средневековых мадонн.

– Послушайте, невоспитанный юноша, шли бы вы дальше гроб искать, – выдавил я из себя последние капли интеллигентности. – Компасом надо пользоваться, если дороги не знаете.

Менге был парень попроще и выразился гораздо конкретнее:

– А ну-ка забирайте свой железяки и полудохлых кляч, и чтобы через пару мер вашего рыцарского времени духу вашего здесь не было.

Но закон гостеприимства не позволил нам принять более действенные меры.

– Вам очень не повезло, достопочтенные милорды, ведь нас больше чем вдвое, – гордо произнёс рыцарь Анри. – По законам рыцарской чести вы должны сдаться на милость победителя.

– Ты просто не знаешь, насколько нам повезло, горшок ты для ночных нечистот, – менее элегантно выразился Менги. – Потому что придётся проколоть по нескольку из вас, а мы любим это занятие.

– Погодите! Мы ведь цивилизованные люди, – вмешался я. – Давайте решим вопрос рыцарским поединком.

– Я не стану биться с человеком подлого сословия, я дво-

рянин, – заерепенился Анри.

– Вас устроит воин из личной охраны Великого хана? – поинтересовался я. – Кстати, кешиктен приравнивается к общевойсковому тысяцкому. В своей стране я был бы князем, – добавил я для пущей убедительности.

– Ну, только если это так, – с сомнением протянул рыцарь. – А кто вам повязал рыцарский меч?

– Сам хан и повязал. – Я ни капли не покривил душой.

– Вы хорошо знакомы с правилами рыцарских поединков? – продолжал тянуть резину Анри.

– Разумеется. Победивший получает имущество проигравшего, а проигравший – царствие небесное. По- моему, справедливее некуда, – развёл я руками. – Зачем неживому человеку имущество?

– Вот здорово! Никогда не видела рыцарских поединков, – раздался восторженный вскрик за моей спиной.

От неожиданности у меня из рук чуть не выпала сабля. Мне даже не надо было оборачиваться, чтобы убедиться, кому принадлежит этот визгливый голос. Вот вредная девчонка, всё-таки сбежала! Поединок на время откладывался.

Не обращая внимания на множество увешанных железяками мужчин, Тань Я, а это, естественно, была она, набросилась на милорда Анри де Пюсси:

– Вы и в правду рыцарь прекрасной дамы?

– Да, и этот сударь посмел усомниться в достоинствах моей прекрасной дамы.

– Вы его убьёте! Как здорово! – радостно захлопала девушка в ладоши.

– Мне придётся так поступить, если этот милорд не извинится и не возьмёт свои слова обратно, – напыщенно произнёс рыцарь.

– Он этого не сделает, убейте его! Так ему и надо! – показала мне язычок принцесса.

«О женщины! И это благодарность за то, что вытянул её из лап порока!» – с сожалением подумал я.

– Граф Анри де Пюсси, – склонив голову, представился рыцарь, обратясь к взбаломошной девчонке, – с кем имею честь?

– Принцесса Тань Я, – девушка кокетливо отвела локон волос со лба, – представительница правящего дома.

– Так этот неблагородный человек посмел нанести обиду и вам? – схватился за рукоять меча Анри.

– И ещё какую. – Губки Тань Я мстительно сжались.

– Тогда я буду биться за двух прекрасных дам. И да поможет мне Бог, – гордо встряхнул головой рыцарь.

– Начинайте скорее, – сплюнул на песок Менге. – Нам уже пора двигаться дальше.

– И правда, сударь, давайте уже закончим с этим делом, – поддержал я десятника.

Воины расступились, давая нам место для турнира. Я осмотрел противника. С ног до головы закованный в броню, он казался тихоходной боевой машиной пехоты. Взяв

в обе руки двуручный меч, он осторожно приближался ко мне. Я ждал. И вот, размахивая мечом, машина пошла на таран. Я отошёл в сторону и ударом сабли перерезал шнуровку, скрепляющую пластины на левом боку рыцаря. Броневые листы повисли, затрудняя хозяину дальнейшие манипуляции с мечом. А я что есть силы рубанул ему по шлёму. Раздался дребезжащий грохот. Декоративный плюмаж отлетел в сторону, а рыцарь громко охнул. Ещё бы, наверное, уши заложило.

– Так нечестно, вы его убьёте! – закричала Тань Я.

– Ничего, он живучий. Ведь сумел добраться в наши края, – успокоил я принцессу, а сам с разворота заехал графу сапогом в лоб.

Закованное в металл тело, гремя заклёпками, повалилось на песок. Бом-м!

К поверженному рыцарю кинулись его слуги и соратники. Через мгновение он уже лежал на земле в одном исподнем, а груда железа, в качестве трофея, возвышалась у моих ног.

– Поговорите с этим рыцарем о выкупе, – с трудом приподняв голову, простонал пострадавший.

– О выкупе надо говорить со мной, – взял инициативу в свои руки Менге.

– У моего господина в благословенной Господом Франции есть виноградники, – заговорил полный, укутанный в длинный чёрный плащ священник.

– Металлолом не бери! – вежливо предупредил я десят-

ника. – Нет тут пунктов его приёма.

Дальше мне помешал говорить поток некрасивых слов, обрушившихся на мою многострадальную голову девушкой Тань Я. Она утверждала, что я чёрствый и бездушный негодяй, что я воспользовался беспомощностью уставшего в дальнем походе рыцаря. А в конце своей обвинительной речи она вообще заявила, что я обязан был поддаться.

– Почему ж только я во всём виноват? – успел я вставить словечко, пока представительница правящего дома переводила дух перед новой атакой.

– Не видишь, что ли? Влюбилась она в тебя, вот и бесится, как кошка по весне, – ухмыльнулся Диландай.

– Да как ты смеешь так говорить, я высокородная, – гордо подбоченилась девчонка. – Не пристало даме королевских кровей влюбляться в простолюдина.

– Так и шла бы ты уже к Аллаху! – устало отмахнулся я рукой от девичьих причуд.

– Я желаю быть твоей дамой сердца, – неожиданно сменила гнев на милость принцесса.

– Это отчего же? Только что ты предлагала этому юноше меня прирезать.

– Я испытывала твою силу, и не ошиблась, ты сможешь меня защитить.

– И тебе совсем не жалко того паренька?

– С чего бы... я ведь не его лю... – Тут девушка покраснела и, вскочив на лошадь, поскакала в степь.

Ну вот, мне только и не хватало любви взбалмошной малолетки.

– Что я говорил, – гоготнул Диландай. – Девка вот- вот войдёт в самый сок, глядишь, и с ханами скоро породнишься.

Меж тем Менге закончил торг по выкупу и, довольный собой, подъехал к нам.

– Посидит в зиндане, пока родственники выкуп не привезут.

Благодаря распорядительному десятнику я могу стать весьма состоятельным человеком.

– Отпустил бы его к чёртовой матери, ведь мальчишка совсем, – произнёс я, глядя, как поднимается пыль за удаляющейся капризной всадницей. – И ещё, – я перевёл взгляд на Менге, – видел я у этого паренька под седлом одну интересную штучку – арбалетик. Оставь его для меня.

– Хоп! – хлопнул себя по ляжкам Менге. – Ещё раз убеждаюсь, что вы, урусы, выгоду держать не умеете? И не мальчик он вовсе! Оружие в руки взял... Первого врага я убил, когда мне шла двенадцатая весна.

Мне же вспомнился двухтысячный год, разорённая Чечня и мальчишки с гранатой за пазухой, по ночам убивающие наших солдат. Как верно сказано: «он не мальчик, он оружие в руки взял».

Сбив свою злость, Тань Я вернулась тихая и покорная. И теперь ехала исключительно рядом с Диландаем.

– Что будем с девчонкой делать? – спросил на общем совете Диландай. Роль няньки его совсем не устраивала.

– А что с ней делать? – пожал плечами десятник. – Не возвращаться же из-за этой гусыни назад.

Тань Я стерпела даже такое унижение и, не проронив ни слова, лишь напряжённо поджала плечи. Ох и не завидовал я в это время старому вояке.

На третий день пути мы неожиданно нарвались на отряд тангутов. Мучимые жаждой, они вышли к реке. По воле случая мы тоже поили там своих коней. Ещё каких-то десять минут, и мы бы разминулись. Но не судьба. На войне многое зависит от долей секунды. Кому-то они даруют победу, а кому-то – смерть.

Первые же стрелы свалили наземь пару лошадей и десятника. Надо же, прошёл столько битв и походов и пал от случайной стрелы непокорного тангута.

– В круг! – закричал я и, ухватив за руку принцессу, завалился с ней за убитую лошадь.

– Жива? – переведя дыхание, спросил я.

– Жива. Можешь отпустить. – Её глаза были на уровне моих. В них плавала бездонная горечь степей и немой вопрос.

– Тьфу ты, неугомонная девка! – чертыхнулся я, и по армейской привычке прокричал: – Десятник убит, беру командование на себя, кто живой отзовись!

Вместе с Диландаем отозвались семеро.

– Дальше лежать нет смысла, – прокричал я. – Иду в атаку,

а вы прикрываете меня стрелами. – Чуть не сказал – «огнём», но эта команда появилась только с приходом огнестрельного оружия.

И началось. Я разозлился до самого не могу и, встав во весь рост, пошёл на бастионы нападавших.

– Ура! – кричал я, размахивая двумя саблями.

Хочу заметить, что до сих пор считалось, что клич «ура» придумали монгольские воины. Уточняю, первый раз в истории человечества слово «ура» прокричал я. Это уже потом его стали повторять монголы, и впоследствии воинский боевой клич переняли русские дружинники.

Я не слышал свиста летящих в меня стрел, потому что, словно сверкающими мельничными крыльями, вертел перед собой сталью. Вражьи стрелы, разлетаясь на мелкие щепки, сыпались на песок. Мои стрелки прицельно отстреливали неосторожно высунувшихся из укрытия лучников. И вот я приблизился к противнику на расстояние контакта. Добивать уже практически было некого. Сделав пару окончательных аккордов, я устало опустил руки.

– Ур-а-а! – раздался крик возле уха, и кто-то уткнулся мне в спину. Я повернулся.

Рядом стояла принцесса Тань Я и, выпучив глаза, продолжала орать. У неё был шок. Я дал ей пару оплеух, а потом, видя, что не помогает, ещё и подзатыльник. «Вот дурында, это же надо – она под стрелами шла за мной!»

– У тебя, что, крыша поехала? – спросил я её более- менее

ласково. – Зачем шла за мной, ведь убить могли?

– Не-а! – сверкнула она зубками. – Рядом с тобой самое безопасное место.

Чёрт побери, когда-то я это уже слышал, только не помню когда.

К вечеру следующего дня мой десяток, в составе Диландая, пятерых кешиктенов и непредсказуемой девушки Тань Я, прибыл в ставку Тулуй-хана.

– Как погиб десятник? – строго спросил он.

Хан Тулуй не походил на своих братьев. Вот он-то как раз и был типичным представителем монголоидной расы. Невысокого роста, грязная косичка, редкая борода, властный взгляд не выпускает тебя из виду во время всего разговора. Такому не соврёшь. Поговаривали, что он не родной сын Чингисхана. Красавица Бортэ нагуляла его, когда Тэмучжин находился в одиннадцатилетнем плену у чжурчженей. Но хан его принял и объявил своим четвёртым наследником. Войска его боготворили, и в данный момент до большого курултая, совета всех ханов, он исполнял обязанности Великого хана.

– Внезапно столкнулись с отрядом тангутов, – ответил я коротко по-военному.

– Сколько воинов было у них?

– Четыре десятка.

– У вас?

– Десяток.

– Почему остались живы?

– Повезло.

– Хм, «повезло». Один против четверых, – довольно ощерился хан.

– Я тоже там была, – раздался дерзкий голос.

«Вот чёртова девка, нигде от неё покоя нет», – поморщился я.

– Это кто? – взмах плети в сторону говорившей.

– Принцесса из дома...

– Почему погиб десятник? – перебил её хан Тулуй.

– Не ждали нападения, поили коней.

– Та-ак, – протянул хан и впился в меня взглядом. – Почему за всех отвечаешь ты?

– Так вышло, думать было некогда, пришлось всю инициативу брать на себя, – заскромничал я.

– Он один пошёл на тангутов, и ни одна стрела не смогла его поразить, а он зарубил всех, – опять некстати влезла принцесса.

– Непобедимый, значит, ну-ну. Десяток твой. Забираешь царский двор и сопровождаешь его к нашему брату Угэдэю. Получишь серебряную пайцзу, – закончил аудиенцию хан.

– Гуляем! – ткнул меня в плечо Диландай.

– Быстро в десятники выбился, – без тени зависти произнёс один из теперь уже моих воинов.

– Чего ж ты у реки растерялся, глядишь, сам бы десятником стал, – ощерилась Тань Я, она уже обнаглела до того, что

чувствовала себя полноценным членом десятка.

– Да нет уж, лучше живым кешиктенем, чем мёртвым десятником, – усмехнулся воин.

– Диландай остаётся за меня. Пойду на гарем полюбуюсь, – потянулся я и, поправив сабли, направился вдоль кибиток и шатров.

– Эй, куня, а ты куда? – попытался я шугнуть наглую особу.

– Я тебе не подчиненная, где хочу, там и хожу, – дерзко сверкнула глазищами девица.

– Ну и хай с тобой. – Стараясь не замечать настырного хвоста, широким шагом двинулся я вдоль обоза.

В отведённом для плененного двора месте стояла гнетущая тишина. Показав караульному пайцзу, я беспрепятственно вошёл внутрь.

– Как ты смеешь не пускать, я принцесса! – раздался шум у меня за спиной.

Я на секунду обернулся и, чтобы быстрее прекратить балаган, приказал:

– Пропустите!

За спиной послышалось учащённое дыхание и самодовольно произнесённые слова:

– Куда от меня денешься!

– Проводите меня к принцессе! – распорядился я.

– Тебе, что, одной уже мало! – укоризненно фыркнули у меня за спиной.

– Стой здесь! – жёстко распорядился я и прошёл сквозь тростниковую занавеску.

В пустом помещении, на ковре спиной ко мне сидела женщина, или девушка. Тогда так одевались, что определить возраст со спины было невозможно. Но моё сердце вдруг учащённо забилося, а ноги приросли к земле. Я стоял и ждал, девушка молчала и не оборачивалась. Не помню, сколько времени навалившаяся вдруг робость удерживала меня на месте. Наконец, сглотнув вставший поперёк горла комок, осипшим голосом я произнёс:

– Я пришёл поприветствовать принцессу Адзи и сообщить ей, что десяток кешиктенов под моим командованием удостоился чести сопровождать её в ставку хана Угэдэя.

Ответом было долгое молчание. Лишь головка принцессы склонилась ещё ниже, а по напрягшимся плечам было видно, что она находится в глубоком душевном смятении.

– Не беспокойтесь, ваше высочество, пока вы находитесь под охраной французских вооружённых сил, вам бояться нечего, – поборов смущение, ляпнул я свою старую армейскую прибаутку.

Я увидел, как принцесса вздрогнула и медленно стала поворачивать голову. Это движение показалось мне таким долгим, что моё сознание запечатлеvalo движение каждого завитка её сверкающих волос, каждый изгиб её грациозной шеи, плавно поднимающиеся роскошные ресницы...

– Луиза! – прошептали мои пересохшие губы.

Всё пространство рухнуло в пропасть.

Эти глаза я узнал бы среди тысячи тысяч. Только они могли смотреть на меня с такой неземной преданностью и любовью. Это их бархатная влага, когда-то давным-давно, где-то там – в другой жизни, трепетала от прикосновения моих горячих губ...

– Луиза! – повторил я. – Как долго я к тебе шёл.

– Сёмочка! – шептала она, не замечая текущих по щекам слёз. – Мы шли друг к другу долгих два года. Боже мой, как бесконечно тянулась эта вечность, Сёмочка...

Я же стоял, словно деревянный истукан. Моя любимая Луиза... Та, которой я грезил во сне и наяву, ради которой шёл сквозь пропахшее веками время: протягивала мне руки, а я вдруг захотел стать маленьким мальчиком, чтоб уткнуться в её тёплые колени и заплакать от счастья...

– Женя, мама звала меня Женей, – прошептал я, падая в бездну её глаз.

Глава 5, написанная другим почерком.

ПРОСНУТЬСЯ ПРИНЦЕССОЙ

– Это просто ужасно, принцесса! Вы, принцесса Адзи, наследница правящего дома Ваньяней, и такие скотские условия путешествия, такое хамское отношение. Министр дорог совсем не исполняет своих обязанностей, придётся наекнуть об этом своему мужу. – Вторая статс-дама брезгливо сморщила носик и демонстративно приложила к губам надутый платок. Её муж был начальником стражи порядка.

– Сейчас всем плохо, милая Сен Лю, идёт война. Монголы разбили наших союзников из государства Си Ся, нам больше не на кого надеяться. Вот и я вынуждена отдать себя похотливому старику во имя победы.

– О, как я восхищена вашим самопожертвованием, но в этом есть и вина наших начальников. Тангуты были вправе ждать нашей помощи, и кто знает, удалось бы Чингисхану одержать победу, если бы в Си Ся пришли наши армии? – скривила губки Сен Лю.

Две дамы из светского общества совершали путешествие по горной дороге. Она вела по стене, которая потом прославится как одно из чудес света и станет называться Великой, а путешествие было не что иное, как свадебный кортеж невесты к жениху. По этой стене без труда могла прокатиться грозная боевая повозка, а не только эта тростниковая коляска для прогулок. Что в другом месте выглядело бы по крайней мере странно, для азиатов было нормой. Я имею в виду то, что тележку катили двое поджарых молодых людей, стараясь объезжать слишком огромные валуны. Судя по набору вооружения, эти двуногие лошадки были и телохранителями. В некотором отдалении следовал отряд одетых в красно-синие одежды воинов. Кроме них коляску сопровождало огромное количество служанок и фрейлин. Они, словно летний цветник, окружали благоухающий бутон редкой красоты. И прекрасный этот бутон была я, принцесса Адзи, дочь покойного императора Удабу империи Айсинь Гурунь, или

империи Цзинь, как её называли китайцы. Правда, самого императора-отца я ни разу не видела. Так уж случилось, что живу я среди этих людей всего полтора года. А всё начиналось так.

Когда-то в кровавом тысяча девятьсот восемнадцатом году в далёкой от этих мест и времени России произошла великая смута. Возжелавший крови и новой жизни народ вынудил отказаться от трона своего законного императора. Началась междоусобная война. Отец пошёл на сына, брат на брата. Все общечеловеческие законы морали были попорнены в кровавой вакханалии.

Я со своей сестрой Изольдой, матушкой и батюшкой были вынуждены инкогнито покинуть родину, ставшую нам мачехой. И вот в этом бушующем водовороте смертельных страстей нам повезло встретить надёжный остров. Этим островом оказался есаул казачьих войск Семён Касьян, мой Сёмушка. Он стал нашим защитником и ангелом хранителем. Мы с сестрой вспыхнули к нему чем-то большим, чем чувство благодарности. А я полюбила его всем сердцем. И молодой офицер ответил мне взаимностью. Мы любили друг друга преданно и самозабвенно. Война и кровь лишь обострили наши чувства. Полыхающая огнём страна не желала отпустить нас из своих кровавых лап. Но Семён совершил невозможное, он вывез нас из этого ада в Лондон. Полгода я жила с мыслью, что я самая счастливая девушка на земле. Но не бывает вечного счастья, как не бывает вечной весны.

Семён был боевой офицер и человек чести. Он постоянно вспоминал истекающую кровью родину. Я понимала, что Семёна гложет совесть, что его товарищи гибнут в снегах России, а он живёт, словно лорд, не нуждаясь ни в чём.

Я, полуприкрыв глаза, наблюдала за его осторожными сборами. Он уходил ранним промозглым утром и думал, что я сплю. Я могла его остановить. Стоило мне только открыть глаза и позвать его по имени. Но я знала, что ему надо идти, что это его долг. Но больше всего я боялась, что он меня возненавидит из-за того, что вынужден метаться меж двух огней. А мне было легче умереть, чем увидеть в его глазах искры ненависти. Я выдержала, он ушёл.

Прошёл год. В России побеждали большевики, а от Семёна не было ни одной весточки. Меня очень выручал наш друг Кузя, которого мы спасли от пиратов с необитаемого острова на далёких Филиппинах. Вы не знаете, на какие поступки способна влюблённая женщина. И в один прекрасный день я решилась. Никому ничего не говоря, я купила дипломатический паспорт и с миссией Красного Креста тайно покинула Англию. Мой путь лежал в Россию. Я не знаю, на что я надеялась, я просто любила. Вы не представляете, с какими трудностями мне пришлось столкнуться, прежде чем я добралась до его родной казачьей станицы на берегах реки Уссури. Но там его не оказалось. Один человек вспомнил, что видел его в партизанском отряде Якова Тряпицына, возможно, Семёна расстреляли вместе со всем штабом этого парти-

занского командира, но мёртвым его никто не видел. Поэтому я вспомнила о селе Нижнетамбовском, о котором не раз говорил Семён. Оттуда был родом ещё один наш товарищ по скитаниям Иван Зимин. И я решила, что он-то точно знает о дальнейшей судьбе Семёна.

Вы не представляете моей радости, когда в Нижнетамбовском я встретила Ивана. Он мне рассказал, как они вместе воевали и где принял последний бой с японцами мой Семочка.

– Вот только тела мы не нашли, наверное, зверьё растащило, – сказал он.

Я попросила отвести меня на то место и, как он ни сопротивлялся, всё же настояла на своём. Иван сдался, и ранней весной мы пришли на Шаман-гору. Он показал мне тот самый побитый пулями грот, где мой Семён держал свой последний бой. Я поставила свечу за упокой души убиённого русского воина Семёна, но она потухла, костёр горел, а свеча тухла. И как я ни пыталась её зажечь, ничего не вышло. Я поняла, что это Провидение посылает мне знак. Тогда я попросила Ивана удалиться и вернуться за мной на другое утро. Он вновь долго противился, но я была непреклонна, и Ваня сдался. Он оставил мне продуктов и карабин.

– Будь в гроте и никуда не уходи, – сказал он на прощанье.

А куда мне было уходить, где-то здесь душа моего любимого обрела вечный покой. Да и чего греха таить, я вообще больше уходить никуда не собиралась и украдкой погляды-

вала на ружьё. Наверное, оно и поставит последнюю точку в нашей любви.

Запасливый Иван оставил мне склянку с водкой, и я, как простая русская баба, поминала Сёмочку и плакала, плакала и поминала своего любого. Когда спиртное закончилось, я приставила к сердцу ствол ружья и попыталась дотянуться до курка. Как я проклинала свои изнеженные коротенькие ручки. Затем я разулась и попыталась нажать на курок пальцем ноги, но шум за стенами грота привлёк моё внимание. Я смело вышла наружу. На небе светила луна, а напротив меня стоял лохматый исполин. Вот и выход! Я не стану грешницей и не совершу самоубийства, а значит, в раю мы с Семёном вновь обретём друг друга.

Я отбросила ружьё в сторону и смело отправилась навстречу своей судьбе.

– Здравствуй, мохнатый брат! – сказала я. – Помоги мне встретиться с любимым.

Медведь, утробно охая, подошёл вплотную и начал буравить меня маленькими глазками, но я не видела в них злобы и не чувствовала исходящего из его пасти смрадного дыхания. Затем он осторожно положил свои огромные лапы мне на плечи и лизнул шершавым языком в щёку. После чего, довольно похрюкивая, отправился восвояси. У меня внутри всё обмерло, это знак судьбы!

«Живой!» – кричало сердце. «Живой!» – кричало всё вокруг.

Спокойная и умиротворённая, я легла спать.

Проснулась я в роскошной постели. «Неужели Иван перенёс меня пьяную и беспомощную в деревню? – ёкнуло сердце. – Ну ты, девонька, даёшь!»

– Госпожа желает принять ванну? – привёл меня в чувство молодой женский голос, и из-за портьеры показалось смазливое раскосое личико.

– ... ?! – это всё, что я смогла ответить.

– Госпожа плохо спала? – Тень тревоги набежала на лицо девушки.

Я могла ожидать всего что угодно, но это было выше моего понимания. Поэтому я предпочла отмалчиваться. И тут память услужливо подбросила мне картинку из прошлого: изрядно подвыпивший Семён пытается мне доказать, что он гость из другого времени. Но разве такое бывает? И тогда я подумала, что он просто не хочет на мне жениться. Честно говоря, переход из одной действительности в другую меня не очень удивил ещё и потому, что тревоги и события последних дней научили спокойно воспринимать происходящее вокруг.

«А вот сейчас проверим, – подумала я, – врал мне Семён или нет».

– Эй, принесите мне мою одежду! – капризным голосом скомандовала я.

– Принцесса Адзи сегодня не в духе, – зашушукались за портьерами.

«Ой-ля-ля, так я ещё и принцесса!» – как о ком-то постороннем подумала я о себе.

В это время из-за портьеры выпорхнул шёлковый халат удивительной работы, расписанный журавлями. Так началась моя жизнь в доме покойного родителя. Мне бы не хотелось, чтобы вы подумали, что переход в другое время оказался для меня таким простым и естественным. В первое время всё было ужасно нереальным. Мне казалось, что я сейчас открою глаза и проснусь, но увы. Поэтому я стала просто жить и надеяться, а что мне оставалось ещё?

Я не нуждалась ни в чём, каждое моё слово воспринималось как ниспослание свыше. Я стала чжурчжэньской принцессой из правящего рода Ваньяней. Мне предлагались сногшибательные партии, о моей красоте и уме слагались поэмы и песни. Что ещё надо земному человеку, попавшему в рай? Но я никогда не забывала, зачем я пошла к каменному Шаману. Любимый, где ты, почему ты не ищешь свою Луизу? Я знаю, что ты за мной придёшь, а иначе зачем Бог посылает мне такие испытания?

Плохо было одно: моя империя вот уже семнадцать лет воевала с монголами Чингисхана. А я знала, что рано или поздно монголы захватят Китай, где сейчас правила моя династия. Я только не помнила точно, в каком году это произойдёт.

Сегодня министр внешних сношений и мой сколько-то роюродный дядюшка Агун принёс радостную весть, что под

стенами столицы Си Ся Чжунсина погиб Чингисхан.

– Теперь войсками командует его младший сын, этот нагулянный на стороне сопляк Тулуй. Слава Небесам, с этого времени дела империи пойдут на поправку, – говорил он. – В армии Южной Сун мятеж. Большинство генералов перешли на нашу сторону. Вот только войска Лю Цюаня выступили на стороне монголов.

Я ничего не понимала в политике, тем более чжурч-жэньские, китайские и монгольские имена и названия городов могли свести с ума кого угодно. Я ждала чуда, я ждала своего любимого. В последнее время он часто снился мне в снах. Как будто спрашивал советов, и я их ему давала. Иногда я видела его в робе арестанта. Иногда – сражающимся с врагами или бредущего по тайге, но самое главное, я знала, что он жив. Я чувствовала, что между нами существует некая незримая нить, и никому её не оборвать. Всё обрушилось вчера утром.

В мои покои торопливо вошёл дядюшка Агун и без предисловий заявил:

– Девочка моя, ты уже взрослая и до сих пор мы потакали твоим капризам в выборе женихов. Но империи требуется мощный военный союзник, иначе нам в этой войне не победить. Чэнь Хэ-шан мог бы стать таким союзником, но взамен он требует только одного – твоей руки. И мы дали согласие, завтра ты выезжаешь к своему жениху.

– Но, дядя, он же старый и противный, я не смогу с ним

жить, – попыталась я соблюдать правила игры.

– Для того чтобы наделать наследников, у него сил хватит, – ухмыльнулся дядюшка Агун.

– Я не поеду! – попыталась встать я на дыбы.

– Раньше надо было думать, упрямая кошка, – снял доброжелательную маску любящего родственника дядюшка. Это он намекал на себя, помнит ещё старый развратник, как задом наперёд вылетал из моих покоев.

– Ты, я вижу, очень рад мне отомстить, – презрительно бросила я ему в лицо.

– Такая красивая девушка могла бы стать настоящим счастьем в постели любого смертного и даже небожителя, – зло проскрипел дядя. – Но вредная строптивость сама привела тебя к такому итогу.

– Уж не на себя ли ты намекаешь, небожитель- импотент? – Настоящая графиня Облонская, воспитанница Бес-тужевских курсов, никогда бы себе не позволила так обижать пожилого человека. Но принцесса Адзи, до чёртиков уставшая сбрасывать со своего тела похотливые руки важных сановников и прочей придворной знати, – она позволила. Сёмочка миленький, где же ты?

– Вопрос решён, не поедешь сама, повезут силой! – взъярился за импотента дядя и хлопнул дверью.

И вот в сопровождении второй статс-дамы и ужасной сплетницы Сен Лю меня везли продавать за несколько десятков тысяч голов солдатского мяса. Я с любопытством раз-

глядывала самую долгую стройку всех времён и народов. Если представить, что каждый камень в эти стены с болью и проклятиями укладывал какой-то определённый человек, то становится жутко: сколько же здесь за все века накопилось зла? Из-за очередного поворота стены показалась повозка, гружённая камнями. Возница еле-еле перебирал вожжами.

– Эй ты, простофиля, убирайся с дороги! – прорычал начальник стражи.

– Куда же я уберусь? – воспротивился тот. – Дорога-то узкая.

– А вот куда. Стража!

В долю секунды солдаты облепили тележку, но довести задуманное до конца не успели. Возница свистнул, и пространство вокруг нас заполнилось людьми, которыми командовал детина с огромным топором.

– Что, сволочи, попили нашей кровушки? – то там, то здесь раздавались злобные голоса.

Зазвенели мечи, засвистели стрелы, пролилась кровь. Я поняла, что это одна из восставших китайских шаек, и приготовилась к худшему. Одно я знала точно – живой не дамся. Я знала, что вытворяют эти дикари с женщинами, особенно с женщинами знатного сословия. Для этой цели у меня в причёске был спрятан тонкий стилет дамасской работы. Был бы рядом Семён, уж он-то нашёл бы способ выручить меня из беды. Как он всегда говорил? «Красивая женщина – это объект повышенной опасности, поэтому нужен глаз да глаз».

Меж тем бандиты согнали в кучу женщин и добивали раненых стражников. К таким зрелищам я, наверное, никогда не привыкну. Я сразу же стала центром внимания. Хотя я и красила волосы в чёрный цвет, но белую кожу никуда не спрячешь.

– Шанго куня, шанго! – раздавались восторженные голоса.

Главарь сразу же оттолкнул меня к себе за спину.

– Моя! – однозначно обозначил он своё право командира.

– Не обижай, командир, добыча общая, мы все хотим её попробовать, правда, братья? – высказался за справедливость один из бандитов.

– Вон их сколько, – мотнул головой предводитель в сторону моих фрейлин. – Пробуй какую пожелаешь.

– Э, нет, ты я могу попробовать когда захочу, а такую раз в жизни, – продолжал настаивать любитель красоты.

– Я сказал нет. – Главарь был непреклонен.

– Ну тогда и ты её не получишь.

Раздался свист рассекаемого металлом воздуха, и главарь, схватившись за рукоятку ножа, торчащего из его шеи, свалился под ноги толпе.

Я смотрела на всё расширившимися от ужаса глазами. Ведь это они обо мне, я для них не человек, а кусок плоти. Скоты!

– В очередь, становитесь в очередь! – раздались нетерпеливые крики, и я поняла, что пришла последняя минута моей жизни.

Судорожным движением я сунула руку в причёску, и, о ужас, стилета на месте не оказалось.

– Уж не это ли ты потеряла, красавица? – заржал грязный заморыш, показывая мне стилет.

И такой непереносимой похотью потянуло от этого вонючего, грязного существа, что я потеряла сознание. Это был самый лучший выход, потому что дальнейшей жизни я себе не представляла. Я уже не видела, как в воздухе засвистели стрелы, как валились замертво так и не успевшие расстегнуть штаны насильники. Очнулась я от прикосновения к щекам холодного предмета.

– Слава Небесам, очнулась, – услышала я голос второй статс-дамы.

– Это она принцесса? – раздался суровый мужской голос, привыкший повелевать.

– Она.

– Хороша! Отправим её нашему брату Угэдэю, он любит развлечения, а нам не до этого.

«Опять! Неужели в эти распроклятые времена для женщины нет никакого просвета», – едва не застонала я и потеряла чувства окончательно.

– Да что же она у вас такая неженка, – было последнее, что я услышала.

Лишь потом я узнала, что у бандитов нас отбили наши враги монголы. Не знаю, хорошо это или плохо.

Глава 6

ПОЕДИНОК С ХАНОМ УГЭДЭЕМ

Я крепко спал. Таким спокойным сном я не спал с тех самых времён, как покинул пределы Туманного Альбиона. На моём плече покоилась прелестная, с волосами чёрными как смоль, головка. Когда-то эта девушка была русая красавица графских кровей по имени Луиза Ивановна, а теперь называлась не иначе как Её Высочество принцесса правящего дома Ваньянь Адзи. И захочешь, не придумаешь.

«Везёт тебе, Женёк, на всяких там графинь да принцесс», – подумал я ещё вчера, страстно целуя колени, о которых мечтал целую вечность. За столетия они совсем не утратили своей бархатистости, а губы как были пухлыми и сладкими словно нектар, так такими и остались.

– На тебя совсем не действует время, – прошептал я ей на ушко. – Может быть, ты ведьма?

Вместо ответа Луиза плотно обвила меня ногами и приникла к губам. Всё остальное стало не важно. Я парил в небесах и опускался вниз, но лишь для того, чтобы глотнуть холодной влаги и вновь подняться ввысь. И так продолжалось всю ночь.

А сейчас я спал, и снилось мне, что пришёл я к хану Угэдэю, бухнулся ему в ноги и сказал:

– Не вели казнить, великий хан, вели слово молвить.

– Говори, – отвечает мне Угэдэй.

– Великий хан, добр ты душой и сердцем, за то и любят тебя подданные твои, не вели порушить счастья моего на-

вечного. Отдай в жёны принцессу иноморскую. На что она тебе, ведь много женщин согревают твою постель? А мне она счастьем станет долгожданным. За добро твоё вечным рабом тебе стану.

Но не подействовали на хана речи мои льстивые, взъярился он словно зверь кровожадный и изъявил мне волю свою ханскую:

– Принцессу захотел, раб? Да знаешь ли ты, что принцессы должны ублажать только ханов? Так распорядилось Небо, и так повелел отец мой великий Чингисхан. Отрубите этому наглецу голову! – И, немного подумав, добавил: – Но так как ты верой и правдой служил мне всё это время, говори последнее желание.

– Отец родной, усынови! – упал я на колени. – Хочу на законном основании отведать комиссарского тела.

От такой наглости даже хан остолбенел.

– Казнить! – завопил он.

– Сука ты в тапочках, – обиделся я и проснулся.

А ведь так оно всё и будет. Старый сластолюбец только увидит Луизу, сразу обо всём забудет. Какой там – «отдай в жёны».

Мы в пути второй день, и вот остановились на очередной ночлег. Я распорядился поместить принцессу в свою кибитку.

– Хан приказал, чтобы она была под моей постоянной охраной, – ответил я на невысказанный вопрос, потому что

первую ночь я провёл с Адзи тайком. А сейчас я решил, что пускай всё катится к такой-то матери, но к Луизе, пока я жив, кроме меня не посмеет прикоснуться ни одна живая тварь на этой планете. Хоть день, да мой, а дальше будет как будет.

Мне нравилось, что в монгольской армии никто не задавал вопросов вышестоящим командирам. Вот уж где действительно приказ – это закон. И по какой бы мелочи ты его ни нарушил – смертная казнь. Лишь один не стоящий на довольствии боец выказал кучу возмущений.

– Я тоже должна постоянно находиться в кибитке и присматривать за принцессой, пока ты будешь отсутствовать, – непререкаемым тоном заявила Тань Я.

– Ты ведь не на службе, – поддел я её. – К чему такое усердие?

– Я её отравлю! – зашипела девчонка. – Я ведь вижу, как вы друг на друга смотрите.

«Вот так так! Этого мне только не хватало», – обеспокоенно заработали растревоженные мысли.

Такого поворота я не ожидал. Что же предпринять, не пускать же действительно несносную девчонку в кибитку? И я нашёл выход. Через несколько дней к вечеру прискакали воины от отца непокорной принцессы и увезли её домой. Благо, что земля уйгуров находилась гораздо ближе, чем ставка Угэдэя.

– Я тебе этого никогда не прощу! – вопила взлохмаченная девчонка на прощание. – А к твоей кошке я всё равно подо-

шло убийц.

Слушавшие этот скандал интеллигентно молчали, да и стоило ли обращать внимание на взбалмошную самодурку голубых кровей. Тем более что за то недолгое время, пока она находилась с нами, её прекрасно все изучили и всерьёз не воспринимали.

«Что ты как ребёнок успокаиваешь сам себя, ведь ты знаешь, что хану будет известен каждый твой шаг», – прикрикнул я на себя и, плюнув на всё, стал жить так, будто завтра мне назначено умирать, то есть в открытую закрутил роман со своей законной женой.

– Мы умрём вместе, но зато каждый миг, каждое мгновение, что нам отмеряно Господом, оно наше, – нежно прошептала мне на ухо Луиза.

Эта женщина, дарованная небесами, понимала меня без слов. Она жила чувствами. Ну как я мог допустить, чтобы такое совершенное творение природы было несчастно. И пока наш караван черепашьями шагами приближался к ставке Угэдэя, я всё думал и думал, как сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы.

Уже два раза из ставки хана прибывали гонцы с требованием ускорить продвижение. А я как представлю Луизу, раздавленную чужим безжалостным телом, сразу хватаюсь за саблю и словно волк начинаю кружить по кибитке, и, не придумав ничего лучшего, приказываю остановиться на стоянку.

– Что, опять? – к моему лбу прикоснулась заботливая ладонь Луизы.

– Я не знаю, что делать, – заскрежетал я зубами. – Одно я знаю точно, что я тебя никому не отдам. Не для того я столько веков искал твои следы.

Наш разговор перебили. За войлочной стеной кибитки кто-то нерешительно кашлянул.

– Это ты, Диландай?

– Я, брат.

– Чего ты хотел?

– Разговаривать хочу.

– Ну, заходи.

– Нет, лучше выйди сам.

Я ласково погладил Луизу по щеке и вышел наружу. Диландай, переминаясь с ноги на ногу, преданно глядел мне в глаза.

– Ты понимаешь, что ты делаешь?

– Понимаю.

– Это смерть.

– Я люблю её больше жизни, и поэтому смерть мне не страшна.

– Э, брат, это не только твоя смерть, мы все ляжем рядом с тобой, – покачал головой куин.

– Ты боишься? – Я посмотрел другу прямо в глаза.

– Не пристало воину бояться неизбежного, но ты ведь знаешь, я хочу отомстить ниппонам, – застенчиво улыбнулся

Диландай.

– Мы им отомстим вместе, верь мне, брат, я тебе клянусь, но для начала мы должны спасти мою Адзи.

– Завидую я тебе, Урус, – открыто улыбнулся куин.

– Чему? – удивился я.

– Любви твоей завидую, смелости, бесшабашности, готовности умереть за свою любовь.

– Если придётся, брат, я умру и за тебя, – сказал я твёрдо.

– Я что пришёл-то, – промямлил Диландай напоследок. – Бунчук Угэдэя в одном переходе от нас.

«Вот чёрт сахалинский, не мог об этом сказать в первую очередь. Нет, уже не уйти». – И я обессиленно уселся на песок.

– Вставай, брат, надо к встрече готовиться, – дёрнул меня за руку куин.

– Что думаешь делать? – спросил я беспомощно, я-то ведь уже давно приготовился умирать и поэтому планов на будущее не строил.

А какие можно строить планы против такой машины, как Великая Монгольская империя?

– Я ещё вчера обозик кое с какими продуктами и барахлом в одно потаённое место отправил, там и пересидим, если с ханом полюбовно не поладим, – обрубил последние концы Диландай.

– А как в десятке?

– Здоровяк Угудай за нас, а остальные как получится, хотя

понимают, что в случае чего хребты сломают всем. Все ведь видели, как вы тут миловались.

– Да мы тихо...

– Глупее влюблённых только куропатка, – покачал головой Диландай. – Ну, поспешим на встречу с повелителем.

Через несколько томительных минут лагерь заполнился гортанными криками, ржанием и топотом лошадей, звоном металла и повелительным рыком самого хана. Наступало время платить по счетам. Два десятка ханских кешиктенов быстренько окружили лагерь и крупами лошадей стали теснить всех на середину.

– Ну, здравствуй, Джучи, – ухмыльнулся мне вечно полупьяный хан. – Ждал я тебя, ждал, а ты всё не едешь и не едешь. Дай, думаю, навстречу поеду, может, дела какие важные тебя задержали, подсоблю если что.

– И тебе не хворать, великий хан. Дела у нас такие, что сами с ними справляемся, да ещё и на другое силы остаются, – ответил я спокойно.

От моего двусмысленного ответа желваки на скулах хана стали жёсткими, а глаза налились сталью.

– Ну, покажи мне принцессу-красавицу, воин, – сглотнув вставший поперёк горла комок, перешёл к главному хан. – Так ли она хороша, как об этом говорят?

– Приведите принцессу, – обратился я к Угудаю.

– Действительно хороша! – закатил от удовольствия глаза Угэдэй, когда Луиза мелкими шажками выплыла в центр

круга. – Как звать тебя, прекрасная хатум?

– Луиза.

– ?..

В этом месте опешил даже я, не говоря о своей любимой. Она-то и испугалась больше всех. Чрезмерное волнение со-служило ей плохую службу, и психика дала сбой.

– Хорошая шутка, принцесса! – ухмыльнулся хан, вплотную подъезжая к девушке. – Я тоже люблю пошутить, – зло-вещим тоном произнёс он, приподнимая подбородок Луизы камчой. – Жаль, что такую красоту придётся отдать Велико-му Небу.

– Как, убить? – выдал я сам себя.

– А ты разве не слышал приказа моего покойного отца, что всех представителей рода Ваньяней, невзирая на пол и возраст, до седьмого колена предать смерти. А приказы моего батюшки исполняются беспрекословно. За этим лично следит всевидящее око мой старший брат Чаготай.

– Она не умрёт, – сказал я так спокойно, что у хана левая бровь поползла за ухо.

– Скажи мне, новоиспечённый десятник, так же хороша она в постели, как и обликом своим прекрасным? – остро сверкнул протрезвевшим взглядом Угэдэй.

– То дело личное, но ты об никогда этом не узнаешь, великий хан, – пошёл я на рога, а чего терять?

– Смел! – притворно восхитился хан. – Ай как смел! А не говорил ли я тебе, что возлежать надо с равными себе по

крови, пёс?

– Насчёт пса, это не по адресу, – также невозмутимо ответил я. – Это не моя прабабушка спуталась с рыжим псом и наплодила от него ублюдков. А насчёт того, с кем спать, то тут вообще чёрт знает что получается. Это ты должен возлечь с дочерью пастуха, ведь не так давно и твой отец пас баранов. Во всём ты не прав, хан.

Хан не потому так долго давал мне говорить, что ему нравились мои речи, просто он поперхнулся молочной водкой, и, пока верные нукеры хлопали его по спине, я вольготно расположился на броневику и высказал всё, что думал. Сделал я это не потому, что я такой смелый и мне надоело жить. Нет, я просто реально знал, что на этот раз моя жизнь не стоит и ломаного гроша. А умирать с трясущимися поджилками как-то не хотелось.

– Что бы ты ни говорил, я хан, а ты раб. И сейчас меня будет ублажать эта принцесса, а тебя мои нукеры. И всё это время вы будете смотреть друг другу в глаза и наслаждаться. Весело я придумал, раб? Ты смело говорил, молодец, но за всё надо платить. И самая дорогая плата – это плата за право говорить и делать то, что хочешь. У меня это право есть по рождению, у тебя нет.

– Усынови меня, хан, – вспомнил я утренний сон. – Так хочется делать то, что хочется.

– Чжурчжэньскую подстилку на середину, раба раздеть и поставить как положено. Пусть познакомится с прелестями

однополой любви, – резко выкрикнул Угэдэй, перекидывая ногу через седло. – Я буду иметь тебя как последнюю продажную девку, и ты навсегда забудешь, что когда-то была принцессой. А спасибо скажи этому вору, который посмел покуситься на добро хозяина.

Ой! Лучше бы он этого не говорил. Но, с другой стороны, он же не виноват, что не всё обо мне знал. Но мне кажется, что если бы он даже знал, то наверняка, из природной своей вредности и вседозволенности, стал бы обзывать Луизу нехорошими словами. Ну что можно ожидать от пастуха тринадцатого века? Даже непонятно, какой кровью они всё кичатся? С примесью бараньего навоза, что ли? До чего же мне всё это надоело! Я считаю, что жизнеспособность и интеллигентность любого общества и индивидуума определяется его отношением к женщине.

Я даже не обиделся на него за то, что он перед смертью хотел сделать из меня девочку, а обиделся я за то, что он так нехорошо отозвался о Луизе. Когда при мне о ней говорят нехорошие слова, мне становится неприятно. Пусть она не настоящая принцесса, но графская кровь-то в ней всё равно течёт. Ей-богу, мне прямо стыдно стало. Я-то мужчина и худо-бедно за себя постою, а она девушка, ей какво?

Поэтому я не стал ждать, когда хан снимет свои поддёвки и начнёт приводить угрозы в действие, а взял охранявших меня нукеров за шиворот и легонько стукнул их лбами. Хотел-то легонько, но был злой и перестарался или лбы у них

оказались слишком слабыми. В общем, черепа с неприятным звуком треснули, а я крутанул уже мёртвыми телами вокруг себя. Кешиктены разлетелись в разные стороны, словно разноцветные матрёшки. А в моих руках уже сверкали лезвия двух клинков.

Охрана Угэдэя ребята тоже не простые, поэтому ко мне со всех сторон уже летели дротики и стрелы. Совершая невозможные кульбиты, я как смерч пронёсся вокруг площади. Мои люди подстраховывали меня, но я работал в ускоренном режиме, а они нет. Мои небесные покровители в очередной раз спасали меня от смерти. Я видел всё: и распахнутые в удивлении глаза, и медленно летящие стрелы, и брызжущую во все стороны кровь. Я был везде и нигде. У ребят против меня просто не было шансов. И вот я стою против выпучившего глаза хана.

– Как ты думаешь, хан, в чём величие человека? – задал я риторический вопрос.

– Ты не посмеешь меня убить. А на твой никчёмный вопрос уже давно ответил мой великий отец Чингисхан.

Он говорил: истинное величие и высшее наслаждение человека в победе над своим врагом; в лишении его всех преимуществ; в столах, рыданиях и слёзах любящих его; в обладании его женой и дочерьми.

– Незатейливо, – кивнул я, не ожидая услышать ничего иного. – А почему ты уверен, что я тебя не трону? Ведь ты хотел убить меня, почему бы мне не убить тебя? Этих смог,

а ты чем лучше? – кивнул я в сторону мёртвых нукеров.

– Я хан! – расправил он плечи.

– А я Вася Селипёрздров. И что?

– Не понял? – вытаращил глаза Угэдэй.

– Ты думаешь, что твоё величие в огромных стадах баранов и сотнях тысяч напуганных тобой людей? – скептически спросил я хана. – Как бы ты ни кичился своей исключительностью, ты как был бараньим пастухом, так им и остался.

– Ты пользуешься тем, что вас больше и можешь говорить мне гадости, – буркнул Угэдэй.

– Я говорил тебе то же самое, когда за твоей спиной стояло два десятка бойцов, и, поверь мне, не испугался бы тысячи. По-настоящему велик только твой отец Тэ-мучжин. Земля ещё не рожала таких людей, да и не родит после. Он в одиночку из какого-то никчёмного народа козлопасов силой своего ума и воли создал империю, которая продолжала существовать после его смерти. А ты никто, ты винтик в созданной им машине. И хоть через два года ты станешь Великим ханом всех монголов, а через двенадцать сдохнешь от пьянок, воистину великим ты не станешь. Никто и не заметит твоей смерти, а наоборот, на твоих костях твои же наследники перегрызутся как настоящие дети рыжего пса. Так что живи, чмо. На первый раз я прощаю тебе оскорбление моей женщины. И не потому, что ты хан с навозом вместо крови, а потому, что ты два раза не позволил меня убить, а я приучен отдавать свои долги. Теперь мы квиты.

Я даже устал, проговорив такой длинный монолог. Но меня просто распирало от желания высказать этому самоуверенному дикарю всё, что я о нём думаю. Лучше бы он не трогал Луизу, ей-богу.

Я бы мог его убить, но знал совершенно точно, что умрёт он в тысяча двести сорок первом году, а эта дата никак не должна быть исправлена. Кто я такой, чтобы вершить судьбы людей, отмеченных историей?

– Постой... нукер. – Хан немного помедлил, не зная, как меня назвать. – Откуда тебе известно, что через два года меня изберут Великим ханом, а через двенадцать я умру?

– Я много чего знаю, – ощерился я. – Я знаю, что твоего старшего брата твоя мать нагуляла от друга твоего отца Джучи, а младшего Тулуя, которого сейчас прочат в Великие ханы, от проезжего козлопаса, пока твой отец томился в яме у чжурчжэней. А ещё хочу тебе сказать: когда будешь посылать своего племянника Батыя на Русь, вспомни, как бьются русские воины.

Окружавшие нас люди мало что могли понять из сказанного мною, но исход поединка им был ясен: хан дурак, а я крутой парень.

– Как ты здорово говорил, милый, я так гордилась тобой. Я всегда знала, что ты придёшь и спасёшь меня, – приникла к моему плечу Луиза.

Я же, пытаюсь взять себя в руки, перебирал кончиками трясущихся пальцев её роскошные волосы. Давно я так не

нервничал, вывел меня высокорожденный.

– Командир, – отвлёк меня голос Диландая. – Уходить надо. Скоро сюда нагрянут кешиктены хана. Я надеюсь, ты не думаешь, что он пришёл сюда с двумя десятками воинов?

– Всё что надо собрали?

– Вроде бы всё.

– Что с людьми двора?

– А на кой они нам?

4 Империя в огне

97

– Они ведь стали свидетелями позора Угэдэя и их всех наверняка казнят, – возмутился я.

– Сейчас многих убивают, – пожал плечами Диландай.

– Забираем всех, – отрезал я.

– Всех так всех, – равнодушно согласился он.

– Воин, – услышал я голос присмирившего Угэдэя. – Ответь на последний вопрос.

– Давай, – подошёл я вплотную к хану.

– Для чего всё это, я ведь не оставлю тебя в покое, слишком много тебе известно? – с каким-то детским любопытством посмотрел на меня Угэдэй.

– Ты когда-нибудь слышал слово «любовь», хан? А знаю я гораздо больше, чем ты думаешь, я даже помню, где мы похоронили твоего отца Чингисхана. Кстати, я прихватил от-

туда одну золотую безделушку – Дайчин Тенгри¹⁰. Даже не знаю, как великий Тэмучжин будет на том свете без бога покровителя убийц, да ещё с онготой¹¹, выскочившей из тела вместе с кровью. Теперь-то не возродится твой папаша. И что у вас за порода такая пёсья, всё время через баб страдаете, думаете, наверное, не тем местом.

Моё самолюбие было полностью удовлетворено. Ещё бы, кто из смертных мог бы вот так запросто поболтать с вершителем людских судеб. Вы бы видели, какая злобная гримаса перекосила лицо Угэдэя. Не знаю, для чего я это делаю, ведь такими разговорами я наживал себе могущественного и беспощадного врага, но я не мог остановиться, а враги у меня были всегда.

– Ты пожалеешь, что родился на свет, проклятый урус! – проскрипел зубами повелитель. – Я разыщу тебя даже на морском дне.

– Мне многие об этом говорили, я уже успел привыкнуть к таким угрозам, – усмехнулся я. – А о морском дне ты это зря. Насколько мне известно, вы умеете плавать, только держась за хвост лошади? Прощай, хан, надеюсь, мы больше не встретимся. – Я повернулся и пошёл прочь.

– Богатур! – дёрнул меня кто-то за рукав, когда я отошёл от хана на приличное расстояние. – Богатур!

Я обернулся. Задрав голову, на меня смотрел тот самый

¹⁰ Дайчин Тенгри – бог-воитель.

¹¹ Онгота – душа покойного.

пацанчик, что давал мне напиться, когда я сидел на нарах в ханском зиндане.

– Барони! Ты как здесь оказался? – удивился я.

– Дак ты сам говорил, чтобы я не пропадал. Разговаривать со мной хотел, – как и в прошлый раз, шмыгнул носом малой.

– Поговорим ещё. А всё же, как нашёл?

– Подслушал, что хан навстречу вам отправляется, и увязался за ним. Ну и ловок же ты в бою! – не сдержал восхищения мальчишка.

– Барони, возвращайся назад, не до тебя сейчас, – я попробовал развернуть его за хрупкие плечи.

– Нет, я с тобой пойду, – вырвался он. – Я воином хочу стать. Ты меня научишь?

Я посмотрел в мальчишечьи глаза, и по их блеску понял, что не уйдёт. Будет следовать за отрядом, выжидая удобного момента, чтобы согласились оставить у себя.

– Только не хныкать, – погрозил я пальцем.

Мы ещё раз унизили Угэдэй-хана, оставив его связанным среди трупов своих стражников, и отправились в укромное место, найденное Диландаем. По дороге, по старой сержантской привычке, я составлял строевую записку, а проще говоря, подсчитывал личный состав и его перспективные возможности. Из моего десятка в живых остались Диландай, монгол Айгул из враждебного чингизидам племени ойратов, что обитали на берегах Байкала, и Угудай.

Угудай был чжурчжэнем. Его семья жила на заставе У-шапу. Отец был военным. Угудаю было пять лет, когда в тысяча двести одиннадцатом году под стены заставы нагрянул тумен монгольского полководца Джэбэ. Застава пала, а ребёнка увезли в монгольский курень. Его усыновила сама Бортэ – жена Чингисхана. Зная крутой нрав хана, для того, чтобы спасти детей от его расправы, усыновляла их десятками.

– Угудай, так вот какой верой и правдой ты отработываешь свою жизнь? – не удержался я от подначки.

– Ты тоже служил не Агуде, – спокойно ответил воин, открыто посмотрев мне в глаза.

– Князь Агуда из рода Ваньянь сто лет назад основал империю Айсинь, – ответил на мой вопросительный взгляд Диландай.

– Маловато мужиков. Всего четверо, – громко произнёс я, краем глаза глянул на Барони. Как среагирует?

Парень обиженно засопел.

– Вижу, вижу. Есть пятый, – улыбнулся я.

– Есть ещё четыре фурии, – сказал Угудай.

– А это что за страсти? – поинтересовался я.

– Это мои личные девушки-телохранительницы, – пояснила ехавшая рядом со мной Луиза. И, повернувшись к Угудаю, спросила:

– А как ты узнал? О них не все мои придворные леди знают?

– Я ж следопыт, – не стал скромничать Угудай.

«Хорошая подбирается команда: четыре спецназовца широкого профиля, четыре амазонки, подросток и полтора десятка изнеженных созданий женского пола», – вздохнул я с сожалением.

– Ну что, коллеги, к ночи успеем до укрытия? – задал я команде вопрос.

– Надо успеть, – ответил за всех Диландай.

Укрытие оказалось что надо. Водопад прикрывал узкую щель прохода в довольно-таки просторную пещеру. Здесь нам предстояло провести несколько дней, пока рыжие псы, идущие по нашему следу, не потеряют нюх. А здорово я их разозлил!

Помня прошлый свой опыт совместного проживания в замкнутом пространстве особой обоего пола, я решил сразу же навести порядок. Сержантская закалка и жизненный опыт помогли справиться с этим вопросом. Лишь один вопрос остался нерешённым, лучше сказать, он решался, и очень активно. Отношение к сексу в средневековом обществе было довольно-таки свободным, поэтому нам с Адзи приходилось часами лежать у водопада и слушать чудесное журчание прозрачных струй. Это хоть как-то заглушало страстные стоны влюблённых беглецов. Мои парни работали на износ, и я уже стал опасаться, хватит ли им сил, если придётся взяться за оружие иного рода.

Глава 7

ТАЙ-ЦЗУ АГУДА

И что на меня нашло? Наверное, это неизжитая со времён детства пионерская классовая ненависть. Ненавижу буржуинов, и всё тут. Надо же было так обидеть неплохого в общем-то хана. А то, что они до слабого полу были охочи, то такого факта даже история не утаивает. Просто в этом деле есть один нюанс: не стоит трогать моих женщин, и всё будет хорошо. И вот теперь благодаря моей горячности мы уже целый месяц сидим в каменном мешке.

Вся округа кишит шпиками и монгольскими патрулями. Угэдэй-хан хорошо усвоил уроки великого отца – «преследовать врага до полного его уничтожения». А здесь ещё и личное. Не выпустит нас Угэдэй-хан просто так, он не выпустит. Но мы пока держимся. Провианта вдоволь, отыскивали запасной выход с другой стороны горы. Единственное, что меня беспокоит – это гиперактивная сексуальная жизнь моего гарнизона. Если мы здесь задержимся на несколько месяцев, то придётся открывать родильное отделение. Что творят, сволочи!

Однажды ночью мы с Диландаем предприняли вылазку для поимки языка. По всем правилам военной разведки языка брали километрах в тридцати от убежища. Пойманный беделлага оказался словоохотливым уйгуром. Он охотно рассказал нам, что ищут они особо опасных государственных преступников, личных врагов Угэдэй-хана. Четверых воинов-кешиктенов и женщину.

– Обещана большая награда, – похвастался он.

– А чего они такого натворили? – лениво поинтересовался Диландай.

– Дак грех великий, – шёпотом сообщил язык. – Ограбили могилу Потрясателя Вселенной. Украли идола бога войны.

– Что ты такое мелешь? – Диландая чуть удар не хватил, он повернул ко мне своё разгорячённое лицо.

Я скромно потупился и поковырял носком обуви кусок замёрзшей глины. Мне действительно стало стыдно. И опять я винил дурную советскую наследственность. Нас приучали с детства, что вокруг всё общее. Значит, и моё. Идёшь из столовой, то можешь прихватить ложку, ну и что, что она алюминиевая? Посетил заведение, то без ручки не возвращайся. Только идиот пил газировку за деньги, для чего умному человеку кулак? Если ты работаешь сборщиком самолётов, то заклёпок у тебя дома должно быть столько, чтобы хватило на новый сверхсовременный лайнер; даже если банщик, то дело профессиональной чести требовало, чтобы квартира была завалена мылом. Зачем? Пригодится в хозяйстве! Таков был менталитет строителя развитого социализма: «Что охраняю, то и имею». И ничего страшного не произойдёт, если оттяпаешь малую толику от общественного пирога. И вот я, не из корысти, какая уж тут корысть, когда тебе собираются резать горло, по старой привычке прихватил интересную фигурку, на память. Тем более что там всем было не до меня, а когда ещё случай выпадет. Не каждый же день тебя приглашают на похороны хана. Это уж потом я узнал, что эта кукла оказа-

лась богом войны и Чингисхану без него на том свете никак нельзя, удачи не будет. Но это был чужой праздник жизни, и я ни капельки не стыдился. Теперь что-либо менять уже поздно, да и предрассудки всё это. От совестливых размышлений меня отвлек утробный всхлип и неприятное бульканье. Даже в темноте ты понимаешь, что таким образом из живого существа вытекает жизнь.

– Ты посмел похитить Дайчин Тенгри? – растягивая слова произнёс Диландай.

– Откуда я знал, что это он, там такая темень была, – не стал играть я в подпольщиков.

– Пошли быстрее назад, надо успеть хоть несколько женщин полюбить, – заторопил меня куин.

– Эй, парень, очнись, какие женщины? – я схватил его за руку.

– А большего мы ничего не успеем, сейчас за нами охотится вся степь, и буду молить подводного царя, чтобы успеть полюбить хотя бы одну.

В прошлых жизнях я привык, что за мной постоянно кто-то охотится, поэтому за себя я не сильно испугался. Больше заботило то, что в такой ответственный момент у наших предков начинало работать не то, что надо.

– Не бойсь, братан, я даже из-за железного занавеса от НКВД уходил. И кто только не хотел моей крови, а я, видишь, с тобой беседую, – хлопнул я куина по плечу.

– Когда-нибудь всякой удаче приходит конец, – философ-

ски заметил Диландай. – У Угэдэя самая любимая казнь – посадит бедолагу на кол и не спеша снимает с него кожу. Или задницей на жаровню – заливает воду в рот, приговаривает: «Закипит, чай пить будем».

При последних словах война стало как-то не по себе.

– Верю, что Угэдэй парень весёлый. Ты к чему сейчас это сказал? Чтобы меня подбодрить?

– Нет, самому страшно стало... Пошли домой, – попросил он тихонько. И мы пошли.

Диландай опасался зря, пока скрывались в пещере, он успел многое, но круг поисков вокруг нашего убежища неуклонно сжимался.

Я стал мучительно искать выхода. Что же нам предпринять?

– Бедненький, – жалостливо погладила меня по щеке Адзи. – Не мучайся ты так, я ведь знаю, что ты обязательно что-нибудь да и придумаешь. Причём – спонтанно.

Я с благодарностью взглянул на любимую. Действительно, нечего сильно напрягать мозговые извилины, лучше отвлечься на другое, пока есть время.

– Расскажи мне о своих предках, – попросил я её и, отвечая на молчаливый вопрос, добавил: – О тех, которые основали Золотую империю, если ты, конечно, о них что-либо знаешь.

– Я здесь около двух лет, – улыбкой на улыбку ответила Адзи. – Принцесса правящего дома обязана знать всё о своих

венценосных предках.

И такая царственная гордость прозвучала в её словах, что в моей груди что-то верноподданнически ёкнуло, а в голове промелькнула мысль о своей никчёмности: «И за что эта женщина полюбила такого человека, как я, ведь она и в прошлой жизни была не абы кем?»

– Первым императором и основателем Золотой империи был второй сын боцзиле (вождя) чжурчжэней Хорибу и звали его Агуда, – начала свой рассказ Адзи. – При дайляосском императоре Дао-цзуне на востоке стали часто появляться пятицветные облака огромной величины. Один из знатоков небесных явлений тайно сообщил, что под такими облаками достойнейшая из матерей человеческих родила сына необыкновенного. Когда новорожденный достигнет зрелого возраста, то совершит деяния великие, о чём и предсказывает небо. Произошло это в первый день седьмого месяца года У-шень.

– Я не силён в восточном календаре, – скромно заметил я, позволив себе прервать увлékшуюся особу царских кровей.

– Если перевести на наше времяисчисление, то это будет тысяча шестьдесят восьмой год, – слегка сморщив на лобике кожу, высчитала Адзи. – А хочешь, я обучу тебя местному времяисчислению? – И не дожидаясь моего ответа, застрочила: – Всё очень просто. Подсчёт ведётся циклами по шестьдесят лет. Эти циклы, в свою очередь, состоят из пяти периодов по двенадцать лет. Каждый из этих двенадцати лет

соответствует какому- либо животному. Вот сейчас, например, идёт год...

Я со страхом замахал руками:

– Сжался, о великая, мой мозг ещё не созрел для восприятия столь сложной информации. Давай-ка лучше про Агуду. Ты так интересно рассказываешь, – подлил я немного масла.

– Хитрый! – погрозила мне пальчиком девушка и продолжила: – С самого детства ребёнок проявлял удивительные способности. Силой, подаренной ему небом, он равнялся нескольким своим сверстникам, а в стрельбе из лука равных ему не было во всём поднебесье. Рассказывают, что как-то раз находившийся во дворце его отца дайляосский посол увидел пролетавшую в небе стаю птиц и попросил Агуду подстрелить хотя бы одну. В ответ на его просьбу будущий Тайцзу в один приём послал сразу три стрелы, и каждая из них угодила в цель. Вдаль же метал стрелы Агуда на триста шагов, стрелы других сильнейших лучников ложились наземь, не долетая сотни шагов до его стрелы. «С таким воином следует быть в союзниках, а не врагами», – сказал восхищённый посол.

Агуда вырос и после смерти отца своего боцзиле Хорibu принял от него бразды правления. Железной рукой он продолжил объединение чжурчжэньских племенных союзов. А когда все племена признали его власть, пошёл войной на государство киданей Дайляо. Поводом для этого стал от-

каз дайляосского императора Тянь-цзу выдать сбежавшего к нему чжурчжэньского предателя Ашу.

Но на самом деле самолюбие Агуды было уязвлено тем, что Тянь-цзу в своём письме называл его по имени, тем самым отказываясь признавать в нём императора Айсинь Гурунь.

– Почему Агуда так решил? – вновь вмешался я в рассказ Адзи.

– В Китае и прочих странах Азии с незапамятных времён ведётся традиция взошедших на трон правителей не называть собственными именами, а только именем, положенным по титулу. Так, после принятия власти Агуда стал Тай-цзу, то есть первый в династии, – с трудом растолковала мне царедворские хитросплетения девушка.

Я узнал, что таким приёмом пользовались частенько. Желая унижить и подтолкнуть к опрометчивым действиям правителя государства, с которым назревал конфликт, его попросту обзывали нехорошими словами и называли по имени, полученному им в миру, тем самым говоря, что никакой он не «цзу», а обычный смертный. Меж тем Адзи продолжила свой рассказ:

– К тысяча сто пятнадцатому году Агуда освободил от киданей всё современное Приморье и большую часть Маньчжурии, вытеснив их к границам сунского Китая и государства тангутов. На освобождённой территории он провозгласил новое государство Айсинь Гурунь, то есть Золотую им-

перию, – закончила она и горделиво вскинула ресницы.

Я невольно залюбовался прелестной рассказчицей. Мы сидели в дальнем краю пещеры и были предоставлены самим себе. За последнее время привязавшийся ко мне Барони стал моим верным оруженосцем и хранителем покоя. Находясь в небольшом отдалении, он ревностно оберегал наш покой.

– Спасибо тебе, сэнсэй, – улыбнулся я. – И что бы я без тебя делал.

Адзи взглянула на меня так, как умела только она, и прижалась к моему плечу. Я уже не мог называть эту девушку Луизой – просто не поворачивался язык. Рядом со мной сидела принцесса. Каждое движение рук, наклон головы и порхание ресниц говорило об этом.

– У вас с Тай-цзу есть что-то общее, – прошептала она, чуть ли не прикасаясь губами к моей щеке.

– Что же? – в тон ей прошептал я.

– Вы не умеете проигрывать.

«Что верно, то верно, – подумал я, – мы такие». А восхождение Агуды напомнило мне восхождение Чингисхана, в этих ребятах тоже было что-то общее. И ещё вопрос: стал бы Чингисхан тем, кем стал, если бы им пришлось жить в одно время.

После рассказа принцессы ход мыслей в моей голове принял иное направление. Я вдруг вспомнил рассказ Ивана про то, как они во время операции на Балканах гуляли по тылам противника. А ведь это хорошая идея!

Я прижал к груди податливое тело девушки и крепко поцеловал.

– Ты моя муза-спасительница, – произнёс я, оторвавшись от её сладких губ.

– Барони! – позвал я своего сэнсэя, – собирай воинов на совет.

– Нужно устроить маскарад, – поделился я своей идеей на военном совете, внимательно разглядывая выданную мне Тулуй-ханом пайцзу.

На её блестящей поверхности было начертано: «Силою Вечного Неба. Покровительством Великого могущества, если кто не будет относиться с благоговением к Указу Чингисхана, тот подвергнется ущербу и умрёт». Широко раскрытая пасть тигра в углу документа недвусмысленно подтверждала о серьёзности намерений людей, выдавших эту железку.

«Видно, пока не успели новые изготовить», – подумал я. А ведь этот документ открывал все двери, и какого лешего мы столько времени сидели в этой горе?

Хоть никто ничего не уразумел, но предложение было горячо одобрено. Ребят можно было понять, это в первое время разнузданная сексуальная жизнь кажется счастьем, а потом такое занятие становится тяжёлой работой.

И вот ровно в полночь мы отправились в поход за снаряжением. Нам необходимо было переодеть в мужские костюмы и вооружить двадцать непредсказуемых созданий. Надо сказать, что все значительные события у монголов и чжурчж-

эней начинаются в полночь. Считается, что Великие Небеса выбрали именно этот час для удачных начинаний.

Как и в прошлый раз, мы ушли очень далеко. Но на этот раз задачи стояли гораздо сложнее. Мы должны были вырезать целый монгольский разъезд или ограбить торговый караван. Ещё неизвестно, что опасней, ведь каждый караван сопровождала небольшая собственная армия.

Двое суток мы просидели в камнях, выжидая удобного момента. И вот к вечеру третьих невдалеке от нашей засады на ночлег остановился конный отряд в тридцать сабель. Мы переглянулись: четверо против тридцати – тяжело, но все согласно кивнули головами. Как говорят русские люди: «Хуже нет, чем ждать и догонять».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.